

Элис Хейл

ТЁМНАЯ
ЖАЖДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Элис Хейл

Тёмная жажда

<https://litres.ru/74392139>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите, я расскажу вам свою историю? Только предупреждаю: счастливых финалов не ждите. Принцы здесь всегда оборачиваются чудовищами.

Моя реальность раскололась за одну ночь. Всё, что я знала о себе, оказалось хрупкой ложью. А за ней жестокий мир оборотней. Мир, где я стала трофеем в смертельной игре.

Он высший хищник Грейвуда, чья жестокость не знает границ. Джейсон. Будущий альфа без слова «нет». Он был уверен, что заставит меня умолять. Но когда я оказалась на коленях, о пощаде просил он сам. В его глазах теперь лишь одержимость.

А в моих Луциан. Изгой клана Воронов. Его шёпот сулит спасение, но я знаю: каждое слово распаляет тьму внутри. Он кормит моего монстра.

Два хищника. Оба думают, что держат меня на поводке.

Но они ошибаются. Семнадцать лет назад меня оставили в живых. Тёмная жажда уже просыпается в крови. И когда она вырвется, жертва сама откроет охоту.

Что выберем, когда ставки взлетят? Любовь? Мечь? Одержимость? Или кровь.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Снег и кровь	5
Глава 2. Шаг в бездну	16
Глава 3. Цена дерзости.	23
Глава 4. Тень правды.	34
Глава 5. Изнанка мира	43
Глава 6. Стыд и Жар	49
Глава 7. Глаза Ворона	55
Глава 8. Сердце ночи	60
Глава 9. Алхимия страха	69
Глава 10. Закон крови	76
Глава 11. Когти и ярость	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Элис Хейл

Тёмная жажда

Глава

Тёмная Жажда

Глава 1. Снег и кровь

В каждом конце скрывается новое начало.

Пахло хвоей, снегом и смертью. Только одну из этих вещей я распознала слишком поздно.

За окном проплывали ели — те самые, что я помнила с детства. Их кроны, тяжёлые от снега, уходили в зимнее небо, синее-синее, как лёд, и такое же чистое, что казалось: прикоснись к нему пальцем, и услышишь звон. Ветки гнулись под тяжестью сырого снега, а дорога стелилась перед нами белой гладью, нетронутой, пока шины не врезались в неё, оставляя глубокие, влажно блестящие борозды.

Я приоткрыла окно, совсем чуть-чуть, чтобы впустить морозный воздух. Он ворвался в салон, обжигая нос и щёки, и я вдохнула глубоко, до боли в лёгких. Лес дышал мной, и я дышала лесом.

Я выросла в деревушке, затерянной между горами, в паре километров отсюда. Единственная дорога вела туда через узкий тоннель, пробитый в скале. Кто и зачем построил поселение в такой глуши, я не знала. Может, беглец, уставший от долгов, может, безумец, искавший тишины. Папа часто ворчал за утренним кофе, что «экономика оставляет желать лучшего», так что версия с банкирами звучала убедительно.

Но я любила это место. Наш дом из вековых сосен — за-

пах смолы и маминой выпечки. Мне хватало этой жизни: я, родители и близнецы.

Иногда мы выбирались к тёте Виктории в город, в её огромный холодный дом, но никогда не оставались там долго. Мы всегда торопились обратно, будто только лес держал нас в безопасности, и любое промедление разрушало бы это заклинание.

Но сегодня что-то было не так. Вместо привычного покоя я чувствовала странную тяжесть в груди, будто кто-то невидимый положил ладонь мне на сердце и слегка надавил. Я отвела взгляд от окна и посмотрела на отца.

Его пальцы побелели, впиваясь в руль, а взгляд был прикован к дороге. Я проследила за папиным взглядом, в зеркале заднего вида отражалась лишь пустая трасса. Но отец продолжал смотреть, не отрываясь, будто различал там то, чего не видели мы.

— Джули, закрой окно! Близнецов продует! — ворвался в мои мысли мамин голос.

Я машинально дёрнула ручку, и стекло поползло вверх, отрезая поток лесной прохлады. В салоне неожиданно стало невыносимо душно и тесно.

Из-за спины донеслось шипение и возня. Бен с Мирой снова вцепились друг в друга. На этот раз из-за пачки мармеладок. Они делили её с переменным успехом.

— Хватит! — рявкнул отец. Так он не говорил никогда. Близнецы мгновенно затихли. Мира уставилась на папин

затылок. Глаза широко раскрыты. Бен разжал руку. Розовые. Жёлтые. Зелёные. Мармеладные мишки упали на сиденье.

Я нутром почувствовала: что-то не так. Казалось, будто весь воздух в салоне резко налился свинцом, заставляя тревогу растекаться по венам. Горло сжалось. А в ушах появился противный звон, заглушающий даже собственное дыхание.

— А куда мы едем? — спросила я. В повисшей тишине мои слова прозвучали особенно громко.

Отец не ответил. Раньше он так не поступал. Никогда. Он мог злиться, валиться с ног от усталости, но никогда до этого не игнорировал меня.

— Пап, расскажи сказку! — неожиданно выпалила Мира своим привычным капризным тоном.

Молчание длилось пару минут. Затем, тяжело выдохнув, отец произнёс:

— Сказку так сказку. Не все люди в этом мире одинаковы. Есть хитрые, как лисицы. Лживые, как крысы. А самые сильные, как медведи. Сила, выносливость, преданность семье...

Удар.

Нас закрутило. Меня швырнуло вперёд, потом в сторону. Стёкла посыпались дождём осколков, металл завыл на разных тональностях. Высокий тонкий крик Миры резанул по ушам. Машина остановилась. Я не понимала, как это произошло, — одно мгновение нас швыряло из стороны в сторону, и вдруг всё замерло. Двигатель чихнул и заглох. Салон

наполнился запахом горелой резины и бензина.

А после наступила тишина. Не настоящая. Какая-то ватная.

Сердце колотилось о рёбра, в висках гудело. Сквозь этот шум доносились надрывные всхлипы Миры. Но моё внимание приковала рука. Там, где секунду назад было онемение, теперь полыхала боль.

Я опустила глаза. Из предплечья, чуть ниже кости, торчал осколок — маленький, прозрачный, похожий на ледяной кристалл. Вокруг него расплывался алый ободок. Кровь уже собиралась в тяжёлую каплю, дрожащую на кончике стекла.

Я поймала в зеркале его серое, искажённое лицо. Отец тяжело дышал, уставившись в лобовое стекло.

— Нам не убежать... Я должен... — выдавил он.

— Нет! — раздался мамин крик, отчаянная мольба, попытка остановить его.

Отец рванул дверь. Металл противно скрипнул, и в салон ворвалась стужа. В разбитом зеркале заднего вида мелькнула его спина.

— Джули, смотри на меня.

Мама резко повернулась ко мне. Все её лицо было в мелких кровоточащих царапинах, но глаза горели нестигаемой волей.

— Я сейчас пойду за папой. Ты должна спасти малышей. Тётя скоро будет. Мы их задержим. Вы просто продержитесь.

Я сейчас пойду за папой. Ты должна спасти малышей. Тё-

тя скоро будет. Мы их задержим. Вы просто продержитесь.
— Мамочка, что происходит? — захныкала Мира.
— Джули, — мама провела ладонью по моей щеке, и её прикосновение обожгло теплотой. — Я люблю вас. Лягте на пол. Закройте глаза и уши. И что бы ни случилось, не позволяй близнецам ничего увидеть.

Она выпрыгнула наружу. Дверь осталась открытой, и ветер доносил обрывки звуков снаружи.

Я потянула близнецов вниз, накрывая собой. Мира зажимала уши ладошками и всхлипывала. Бен молчал. В его глазах плескался животный ужас, зрачки, словно две чёрные дыры, поглотили весь свет. Прижала его к себе, закрыла глаза и замерла.

Я ничего не видела. Только слышала. И от этого было ещё страшнее.

Сначала голоса: отцовский, резкий, командный; мамин, испуганный, но твёрдый. Потом рычание, низкое, горловое, от которого кровь стыла в жилах. Я не знала, какие звери так рычат, и не хотела знать. Раздался треск разбитого стекла, уже другого, не нашего. Когти заскребли по боку машины, будто кто-то огромный пытался пробраться внутрь.

Затем грянули выстрелы, много выстрелов, оглушительная какофония. Леденящий рев разнёсся совсем рядом, и что-то огромное рухнуло на землю, я почувствовала, как она дрогнула под нами.

А потом... хруст. Мокрый, долгий. Так ломают ветки, но

ветки не кричат. А мама кричала. Всего секунду. Потом замолкла.

Я никогда не знала, что такое сломанная кость. Но этот звук врезался в сознание, будто раскалённое клеймо.

Я лежала не дыша, вцепившись в близнецов, когда сквозь грохот и рёв снаружи начало пробиваться что-то новое. Сначала просто тепло. Оно разливалось по груди медленно, настойчиво, просачиваясь сквозь ткань, будто кто-то приложил к коже грелку.

Дрожащей рукой я ощупала себя и наткнулась на амулет. Он висел на моей шее столько, сколько я себя помнила. Простая безделушка. Я никогда не придавала ей значения. Но сейчас камень обжигал — он нагрелся не от тела, сам по себе, живой, чужой. Его ровная, мерная пульсация вторила сердечному ритму.

— Джули... — детский, дрожащий голосок Миры вырвал меня из оцепенения.

— Тихо, — прошептала я, молясь лишь об одном: чтобы нас не услышали.

А потом рокот двигателей, визг тормозов, рык и топот удаляющихся лап. И снова тишина. Настоящая, оглушающая. Без выстрелов, без рычания, без криков.

Я лежала на полу, прижимая к себе близнецов. Руки затекли, дыхание перехватило. Мира тихонько плакала, Бен молчал.

Послышались шаги, быстрые, тяжёлые, по хрустящему

снегу. Кто-то бежал к нашей машине. Дверца с моей стороны дёрнулась, но не открылась — заело. Кто-то выругался, и я узнала голос тёти. Она рванула ручку снова, с силой, почти срывая её с петель. Металл скрипнул, и дверь наконец поддалась.

Холодный воздух ударил в лицо вместе с запахом крови и гари.

— Джули! — паническим сорванным голосом вскрикнула она. — Джули, родная!

Тётя опустилась на колени рядом с дверным проёмом, заглянула внутрь, увидела нас — меня, Миру, Бена — и выдохнула так, будто не дышала целую вечность.

— Слава богу, — вырвался у неё всхлип. — Слава богу, вы живы.

Казалось, прошла вечность, но на самом деле — не больше пары минут с тех пор, как стихли выстрелы. Они всё ещё отчётливо звучали в моей голове.

Виктория протянула руки, пытаясь коснуться меня.

— Джули, всё закончилось. Отпусти их.

Только сейчас я осознала: я не помню, как закрыла глаза. Не помню, как зажала уши Бену. Только вкус — железа и горечи — подступивший к горлу одновременно. Несколько секунд я давилась этим мерзким коктейлем, боясь вдохнуть, боясь шевельнуться, чтобы не вырвать на Миру. Пальцы онемели, мёртвой хваткой вцепившись в одежду близнецов. С трудом разжала их, но все мышцы в теле отказывались под-

чиняться.

Виктория, всё ещё всхлипывая, помогла мне выбраться из машины. Как только ступни коснулись земли, ноги подкосились. Потому что я увидела то, что невозможно было забыть. Тут же кольцо из заботливых рук обвилось вокруг меня, будто тётя боялась, что я рассыплюсь. И, возможно, так оно и было.

— Не смотри, — прошептала Виктория. — Пожалуйста, не смотри.

Но я смотрела.

Вокруг валялись тела. Чужие люди, я никогда их не видела. У всех были сломаны конечности, перегрызены глотки. Повсюду виднелись следы огромных когтей — на одежде, на снегу, на деревьях. Кровь адела пятнами на ослепительной белизне.

Я искала маму.

Она лежала возле машины.

— Мам... — вырвалось у меня, и голос сорвался.

Её глаза были открыты. Казалось, я смотрела в них целую вечность — мутные, пустые, уже не живые. Из рта всё ещё текла кровь. Тонкая струйка сворачивалась на снегу в тёмную, почти чёрную лужицу, пропитавшую её белоснежные волосы. На запястье блестел браслет с крошечным сердечком, который она никогда не снимала.

Протянула руку, чтобы стереть грязь с её лица, но пальцы наткнулись на что-то острое и влажное, торчащее из виска.

Осколок кости.

Отдёрнула кисть, будто обожглась, и принялась яростно тереть ладонь о снег. Снова, снова и снова, пока кожа не онемела и не стала ощущаться чужой.

Рухнула на колени, прижимаясь к ней. Провела пальцами по её щеке — медленно, почти благоговейно, будто пытаюсь запомнить каждую чёрточку. Кожа всё ещё хранила жизнь. Тёплая. Мягкая.

Я сжала зубы до скрежета, до боли в челюсти, и смотрела на неё, чувствуя, как внутри что-то обрывается и одновременно замерзает, превращаясь в лёд, который уже не растопить.

А потом меня накрыло. Ярость захлестнула с головой, ударила в грудь, перекрыла дыхание. Пыталась вдохнуть, но казалось, я глотаю огонь, и лёгкие горели в его пламени. Вновь ощутила сильный жар, но не от медальона. Теперь он рождался где-то глубоко внутри, вырывался из самого нутра, обжигал пальцы, разрывал грудную клетку.

Я закричала. Нет, не закричала — завывала. Низко, надрывно, по-звериному, выплёвывая из себя всю боль, весь ужас, который копился в каждой клетке моего тела. Голос сорвался на рык — дикий, горловой. Слышала его, но не узнавала, будто этот звук не мог принадлежать мне.

Вскочила на ноги. Я хотела увидеть его. Отец лежал посреди поляны.

— Джули, стой! Не надо! — доносились крики Викто-

рии, но было поздно. Я уже неслась к нему.

Он был так бледен... Я опустилась рядом и вдруг услышала дыхание — слабое, прерывистое, но ещё живое.

— Папа? — прошептала я, сорвавшись на судорожное рыдание. Тут же мои руки заметались по его груди, плечам, лицу, пытаясь нащупать в нём искорку жизни.

— Папа, пожалуйста... — молила я, не зная, кого и о чем.

Его ресницы дрогнули. Веки медленно, с трудом приоткрылись. Губы шевелились, но звука не было — только влажный, булькающий хрип. Я наклонилась ближе, чувствуя запах крови.

— Пап...

Глаза отца распахнулись. На секунду в них вспыхнуло узнавание. А потом он дёрнулся — резко, неловко — и его рука вцепилась в моё запястье. Зрачки расширились, тело обмякло, но пальцы всё ещё сжимали мою руку стальной хваткой.

Время для меня замерло.

Кажется, потом подбежали люди. Я поняла, что тётя приехала не одна. Словно в тумане помню, как меня оттащили от него. Резкие хлопки аптечки, чужие громкие голоса — после они не раз являлись мне в кошмарах.

Когда вся эта какофония звуков наконец умолкла, а слёз больше не осталось, я обнаружила себя в своей новой комнате. В особняке Андерсонов. В фамильном родовом гнезде Виктории и моего отца, которое мне предстояло называть

домом.

Именно так случилось моё новое начало. Словно в бреду: пальцы дрожали, а мир расплывался в красноватой дымке.

Амулет, что прежде обдавал странным жаром, давно потух. На его гладкой, отполированной поверхности змеилась тонкая, едва заметная трещина. Она начиналась от самого края и уходила вглубь, будто что-то внутри расколосось, сломалось, сдалось. Вместе с ним. С нами.

Я провела по ней подушечкой пальца, чувствуя неровный, колкий край. Похоже на шрам. Только не на камне. Что-то треснуло и во мне. И это уже не исправить.

Амулет будто хранил свой секрет. Холодный. Мёртвый. Как и всё вокруг. Как я.

Глава 2. Шаг в бездну

Иногда, чтобы найти себя, нужно сначала потеряться в мире, где никто не ждёт твоего появления .

Сегодняшний день не обещал ничего хорошего.

С самого утра он давил на плечи серой тяжестью, будто небо решило опуститься ниже, чтобы напомнить: ты больше не та девочка, что просыпалась под шелест сосен.

Сколько раз я умоляла тётю рассказать, кто убил родителей в ту снежную ночь. В ответ — только тишина. Глухая, непробиваемая стена, за которой она прятала правду. «Дай себе время, не торопи события». Эти слова звучали в моей голове снова и снова, но за ними я чувствовала другое: она боялась. Боялась, что ещё чуть-чуть — и я рассыплюсь, как стеклянная ваза, которую слишком долго держали на краю стола.

С того снежного дня я не выходила из дома без пистолета, «подарка» от Эрика, нового мужа тёти. Теперь металл всегда охлаждал бедро через ткань, напоминая, что мир, в котором я живу, уже никогда не будет прежним. Впрочем, даже с ним я выходила редко. Слишком часто мне казалось, что за каждым деревом, за каждым поворотом ждёт тьма.

Я пропустила полгода учёбы. Шесть месяцев, которые вычеркнули из моей жизни, словно их и не было. Близнецов,

постепенно оправившихся от утраты, определили в закрытый пансион. Теперь я вижу их только на каникулах. Их лица становятся взрослее, а взгляды — отстранённое, будто они тоже пытаются забыть ту ночь.

Сегодня, как и всегда, не было желания выползать из-под одеяла. Тёплый кокон постели манил остаться, спрятаться и сделать вид, что ничего не изменилось. Но форма, заботливо вывешенная тётей на спинку стула, напоминала: пора. Я должна учиться. Должна узнать правду. Тётя молчит — значит, искать придётся самой.

Я заставила себя подняться.

Вглядываясь в свое отражение, я видела лишь бледную незнакомку. Под левым глазом темнела тяжелая тень — я не знала полноценного отдыха уже около полугода. Ночь за ночью, стоило мне лишь прикрыть глаза, как возвращался этот кошмарный хруст, а следом — ощущение липкой влаги на пальцах. Я вскакивала и яростно вытирала руки о ткань, зная, что это всего лишь сон, но страх оставался. Сегодня же я очнулась раньше, чем мой собственный вопль достиг ушей. И это был настоящий прогресс.

Белая рубашка, серая юбка, пиджак — и поверх него кожаная куртка с защитными вставками. На груди — эмблема академии: серебряный полумесяц, обвитый изумрудными лозами. Он поблёскивал на утреннем свете, как знак принадлежности к миру, в который меня втащили против воли.

«Место для богатеньких», — хмыкнула я про себя, по-

правляя воротник. Пальцы привычно скользнули по амулету на шее. Я носила его так долго, что перестала замечать.

Но после той ночи я видела его слишком отчётливо. Я чувствовала, как он нагревается, как пульсирует в такт моему сердцу. В ту ночь, когда мир рухнул, мне не показалось. Я знала это. И теперь амулет внушал мне ужас. Это был мамин подарок. Всё, что осталось. Я носила его как клеймо, как единственную нить, связывающую меня с той, кого больше нет.

Трещина всё ещё была там. Тонкая, едва заметная. Я провела по ней пальцем — и по позвоночнику пробежала ледяная искра. На секунду закрыла глаза. Снег. Красные пятна. Мама на земле. Браслет с сердечком на её руке. Я резко распахнула веки. Сейчас не время

Всю дорогу тетя сверлила меня взглядом, но так и не сказала ни слова. У ворот она будто собралась что-то произнести, затем осеклась и просто улыбнулась.

Академия возвышалась на холме — огромное здание из белого камня и матового стекла. Над входом парила голографическая эмблема — серебряный полумесяц, обвитый изумрудными лозами. На крыше замерли вертолёт, у входа, поблёскивая на солнце, — десятки элитных автомобилей.

Я смотрела на этот блеск и чувствовала себя лишней. Он не приглашал — он предупреждал: ты либо принадлежишь этому миру, либо никто не заметит твоего существования. Внутри же пахло деньгами: дорогой кожей, свежими цвета-

ми, терпким кофе.

Потолок уходил в прозрачный купол, и холодный, ровный свет заливал всё вокруг, не оставляя теней. Пол из полированного камня блестел как зеркало — каждый мой шаг отдавался глухим эхом, которое тонуло в гуле чужих голосов. Вдоль стен тянулись светлые велюровые диваны.

Все вокруг говорили, смеялись, переглядывались — и ни один взгляд не скользнул в мою сторону. Я шла через холл и была при этом невидимкой.

А потом я остановилась.

Всмотрелась в лица. И поняла, что они... неправильные. Словно их создавали не природа, а дорогая лаборатория. Девушки с точеными фигурами и волосами — струящимся шёлком. Парни с острыми скулами и челюстями, будто вырезанными скульптором. Здесь не было некрасивых. Не было даже обычных. Взгляды скользили мимо меня, не задерживаясь, не замечая. В этом мире красоты и холодного блеска я была всего лишь тенью.

Я вдруг остро почувствовала, какая я здесь чужая. Мои русые волосы, которые никогда не лежали идеально, а вечно путались и лезли в глаза. Мой вздёрнутый нос, который я всегда считала милым, а теперь казался нелепым. Зелёные глаза, слишком тёплые и живые для этого холодного мира. Розовые губы, бледнеющие на фоне ярких, сочных, словно налитых кровью. Маленький рост, из-за которого я чувствовала себя ребёнком среди взрослых. Здесь была другая кра-

сота, холодная, безупречная, пугающая. И я в неё не вписывалась.

Словно в подтверждение моих мыслей, прямо напротив, на бархатном диване, сидела девушка, которая была воплощением этой идеальности. Пепельно-русые волосы струились по её плечам, тяжёлые, будто налитые светом. Она откинулась на спинку, чуть склонив голову набок, — поза расслабленная, но в ней чувствовалась природная грация, то, что нельзя надеть или сыграть.

Девушка повернулась. И её большие янтарные чуть раскосые глаза, упал на меня. Взгляд впился, будто хотел пробраться под кожу, разобрать по молекулам, достать до самого дна. Казалось, что она видит не просто меня — она видит мою кровь, мои кости, мои страхи. Она смотрела. Секунда. Другая. Третья. Веки не дрогнули, зрачки не шевельнулись. В этом взгляде было что-то ненормальное. Что-то, чего в обычной жизни на улице не встретишь. Я отвела глаза первой. Её слова настигли меня раньше, чем успела сделать шаг.

— Сюда теперь принимают всех? — голос был ленивый, низкий, с хрипотцой, которая делала каждое слово тягучим, как патока.

Я застыла, не зная, что сказать. Язык прилип к нёбу, слова застряли где-то в горле. Но ответить мне всё равно не дали — зал взорвался криками. Пятеро парней раскачивали одного из своих, и над всеми гремело: — Джейсон! Джейсон!

Толпа хлынула туда. Кто-то хлопал, кто-то свистел. Я

мельком увидела того, кого поздравляли — тёмные волосы, хищный разрез глаз. Даже издалека от него исходила животная, почти опасная сила.

Девушка на диване улыбнулась, но смотрела уже не на меня. Я сделала шаг, чтобы уйти, и в тот же миг меня схватили за волосы — не сильно, но достаточно, чтобы я остановилась.

Кто-то придвинулся вплотную со спины. От него пахло псиной и чем-то старым, как подвал, где годами не открывали дверь.

Чужое лицо скользнуло вдоль моей шеи — от мочки уха вниз, к изгибу плеча. Медленно. Изучающе. Будто пробовал на вкус. Потом шумный, глубокий вдох — прямо у самой кожи.

— Лесом пахнет, — сказал голос у виска. Мужской, низкий, густой, как грязь — он оседал на коже липким влажным следом. — И смертью.

А потом меня отпустили. Я рванулась, развернулась, готовая ударить, но за спиной никого не было. Только толпа, только гул голосов, только удаляющиеся спины парней, которые уже тащили Джейсона куда-то в центр зала. Девушка на диване смотрела на меня с лёгкой, почти скучающей улыбкой. Будто всё, что только что произошло, было игрой моего воображения.

— У тебя на юбке пятно, — бросила она. — Добро пожаловать в Грейвуд.

Я опустила взгляд. На серой ткани — тёмное, вязкое, тёп-

лое.

Кровь. Чужая.

Желудок сжался, к горлу подступила тошнота. Я вдруг снова оказалась там — в машине, на снегу, где мамина кровь сворачивалась тёмными лужицами, а в воздухе стоял тот самый металлический запах. Захотелось вырвать собственные лёгкие. Каждый вдох давался с трудом — короткий, хриплый, поверхностный. Пальцы онемели, их покалывало, как от иголок, по спине пробежал холодный пот. Я чувствовала, как земля уходит из-под ног, как мир сужается до одной точки — до этого пятна на юбке, до этого запаха, до этой рвоты, подступающей к горлу. Я развернулась и почти побежала, лишь бы не упасть, не закричать.

Их смех ударил в спину. Он звучал со всех сторон, просачивался под кожу, заставляя щёки гореть от унижения.

Мои каблуки стучали по полированному камню, и каждый шаг разносился эхом, теряясь в глубине коридора. Но сквозь этот звук, почти незаметно, проступал другой.

Я замерла. Тишина.

Сделала шаг — и снова кто-то повторил.

Но я была одна.

Глава 3. Цена дерзости.

Иногда самый страшный удар — не тот, что по лицу, а тот, что по самолюбию.

Я остановилась, прислонилась спиной к холодной стене и заставила себя дышать. Медленно. Глубоко. Вдох. Выдох. Сердце постепенно сбавляло бешеный ритм, и мир переставал расплываться перед глазами. Я огляделась. Вокруг был длинный, извилистый коридор с массивными дверями по обе стороны. Я понятия не имела, где нахожусь.

Из-за створок доносился шёпот чужих голосов, а тени на стенах, казалось, крались за мной по пятам.

И вдруг в конце коридора показалась дверь. Белая, как кость, с холодными цифрами 12/7. Я потянула ручку на себя.

В одно мгновение класс замер. Десятки пар глаз пронзили меня. Я чувствовала, как их взгляды раздевают, оценивают, отбраковывают — и находят недостаточно хорошей.

Заметив свободное место, я устремилась к нему, радуясь, что преподаватель ещё не появился. Но едва приблизилась, как на парту, словно бомба, бесцеремонно обрушился чей-то рюкзак.

— Занято, — прозвучал низкий, самоуверенный голос.

Я подняла глаза и только тогда заметила парня, сидящего рядом. Он откинулся на спинку стула, даже не глядя в мою сторону. Тёмные волосы, острые скулы, смуглая кожа. Джей-

сон. Тот самый, кого поздравляли в холле.

— Найди другое место, — лениво бросил он, даже не повернув головы. — Тебе здесь не рады..

Я сжала челюсть, но промолчала. Хотела развернуться и уйти, но он добавил, не повышая голоса:

— Говорят, твоя мать тоже не знала своего места. За что и поплатилась.

Класс замер. Я перестала даже дышать. Слова упали в тишину, как чёрный гудрон, — они въедались в кожу, въедались в память, оставляя после себя только горечь и отвращение, которое невозможно смыть.

— Что ты сказал? — мой голос прозвучал тихо, чужим, словно принадлежал кому-то другому.

Он наконец повернул голову и посмотрел на меня. Надменно. Оценивающе. С лёгкой, почти скучающей усмешкой, которая скользнула по его губам, как яд по венам — медленно, неотвратно, отравляя каждую секунду.

— Не расслышала? Я про твою мать, которая...

Я не дала ему договорить. Кулак врезался в его скулу раньше, чем мозг успел осознать приказ. Хрящ глухо хрустнул под костяшками, и боль пронзила пальцы — острая, электрическая, даже сладкая. Я почти не почувствовала её. Только глухое, удовлетворённое тепло, разлившееся где-то под рёбрами.

— Пошёл к чёрту, — прошипела я сквозь стиснутые зубы, ощущая, как по венам разливается обжигающий адреналин.

В классе воцарилась мёртвая тишина. Кто-то ахнул. Девушка с каре, сидевшая за соседней партой, выронила телефон.

— Психованная, — донеслось с задних рядов.

Я перевела дыхание и только тогда заметила, как на меня смотрят. С ужасом. С неверием. Словно я только что подписала себе смертный приговор.

и в класс влетел учитель. Высокий, с резкими чертами лица и голосом, который перекрывал любой шум.

— А ну прекратили! — рявкнул он, врываясь в повисшую тишину. — Пейкерман, живо объяснил, что тут у вас происходит?

Джейсон застыл, побелевшими пальцами вцепившись в край парты, будто сдерживался из последних сил. Его челюсть была сжата так сильно, что на скулах заходили желваки. Он не смотрел на учителя. Он смотрел на меня. И в этом взгляде горело что-то тёмное, голодное, обещающее.

— Вайн, — кивнул учитель кому-то с заднего ряда. — Выведи его. Пусть проветрится и успокоится.

Я спихнула рюкзак на пол и с гордо поднятой головой заняла освободившуюся парту. Пальцы дрожали, сердце колотилось где-то в горле, но я заставила себя сесть прямо, не сгибаться, не показывать, как сильно меня трясёт.

Джейсон

Я сидел в пустом классе для медитации, сжимая кулаки. Щека горела от её удара. Сука.

Отец бил меня. Всегда. За любую ошибку, за непослушание, иногда просто за то, что я дышал. Я привык. Теперь я вырос, и это случается реже. Но не потому, что он стал мягче. Просто я стал сильнее.

Но чтобы какая-то мелкая, безродная девчонка — и при всех?

Я провёл пальцами по губам — туда, куда пришёлся её удар. Кровь. Слизнул, чувствуя металлический привкус на языке, и в груди что-то глухо зарычало. Она ещё не ведает, что значит пролить эту кровь. Но узнает. И я сделаю так, что запомнит.

Она посмела смотреть на меня так, будто я был пустым местом. Бесило больше, чем удар.

Я прокручивал в голове её лицо. Русые волосы, вечно лезущие в глаза. Розовые губы, сжатые в тонкую линию. Родинка под левым глазом. Обычная. Ничего особенного. Но я запомнил каждую черту. До последней чёртовой ресницы.

И запах. Трава. Снег. Что-то живое, правильное. Он всё ещё стоял в носу. Я втянул воздух, будто надеялся снова его ощутить.

Ударил кулаком в стену. Кровь на костяшках отрезвила. «Ты будущий альфа, Пейкерман. Никто не смеет бросать тебе вызов».

Я повторил это про себя. Потом вслух. Пока не поверил. Пока не перестало трясти от ярости.

Джули

— Итак, для новенькой позвольте представиться. Меня зовут Лоуренс Уэллс, я преподаю алгебру и курирую ваш факультет. Мисс Андерсон, задержитесь после уроков.

Класс опустел. Я осталась одна перед его столом, не зная, куда деть руки. Уэллс молча протянул мне листок с каким-то списком.

— Ознакомьтесь. Это программа вашего факультета.

Через десять минут я уже перечитывала странные названия тем: «Основы линейных функций и изучение бизнеса», «Уникальные потребности и возможности», «Оценка риска и неопределённостей в мире, где существуют охотники». Охотники? Я решила, что это опечатка. Или шутка.

— Возьмите расписание, определитесь с факультативом в течение трёх дней. Следующее занятие — физкультура. Форма в шкафчике 24. Учебники на портале. Всё, — отчеканил Уэллс, и в его голосе послышалась усталость от повторения этих слов сотни раз.

— Спасибо, — кивнула я, уже направляясь к выходу.

— И ещё, — услышала я за спиной. — Учитывая ваши обстоятельства... ради вашего же блага, не стоит провоцировать учеников этого заведения. Особенно таких, как мистер Пейкерман.

— Хорошо, — едва слышно выдохнула я и пулей вылетела

из кабинета. Слова Уэллса застряли где-то внутри, оставляя неприятный осадок, будто я проглотила горькую пилюлю.

Джули

В раздевалке меня ждал сюрприз: чёрный спандексный комбинезон — ткань обтягивала каждую линию тела, не оставляя места для стеснения. Я чувствовала себя голой, хотя на мне было больше, чем на пляже.

Раздевалка уже почти опустела — все успели переодеться и разойтись по своим делам, пока я торчала в кабинете у Уэллса. Только одна девушка задержалась: она стояла у дальней скамейки, натягивая такой же комбинезон. Короткое каре, яркие розовые пряди, которые выделялись на фоне казённой серости. Она заметила моё замешательство, и на её губах заиграла лёгкая, понимающая улыбка.

— Привет, Джули. Я Элис, друзья зовут Эл. А ты, смотрю, уже успела подружиться с мистером Совершенство? — усмехнулась она. — Видела, как ты врезала ему при всём классе. Хороший удар, кстати. Только вот Пейкерман не из тех, кто прощает такие вещи.

Она говорила буднично, почти весело, но в её глазах мелькнула тень беспокойства — быстрая, едва заметная, как рябь на поверхности воды.

— Если что, я не из его свиты «Джейсон, трахни меня немедленно». В отличие от Кристины.

Я проследила за её взглядом и узнала ту самую блондинку с пепельными волосами. Кристина стояла у зеркала, вы-

полняя наклоны вперёд-назад, разминаясь. Её движения были отточенными, плавными, будто она знала, что за ней наблюдают, и наслаждалась этим — каждым изгибом, каждым взглядом, брошенным на своё отражение.

— Она уже успела тебя зацепить? — спросила Элис, заметив мою реакцию.

— Можно и так сказать, — буркнула я.

— Слушай, — Элис оглянулась и понизила голос, застёгивая молнию на своей форме. — Тебе нужно кое-что знать. Здесь не принимают просто так.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты носишь дорогую одежду, да. Живёшь в особняке. Но для них ты всё равно никто. Понимаешь? — Она кивнула в сторону Кристины, которая теперь поправляла макияж. — Её отец — член Совета. Как и отец Джея. Здесь всё держится на крови и деньгах — годами, десятилетиями. А у тебя?

В ее словах не было злости. Она не осуждала меня, скорее это звучало как попытка предупреждения и желания помочь.

Грызнулась я, чувствуя, как внутри поднимается глухое, защитное раздражение.

— Её слова всё ещё звенели в ушах, когда мы вышли на стадион. Солнце слепило глаза, воздух был холодным и колючим — и ничто не напоминало о том тесном, душном пространстве раздевалки. В центре поля стоял мужчина. Двухметровый амбал с бритой головой и квадратной челюстью, которая, казалось, была высечена из гранита.

— Что вы там тащитесь, как две сонные мухи? — рывкнул он басом.

— Кажется, Мясорубка сегодня не в настроении, — подмигнула мне Элис. — Это наш тренер. — Она схватила меня за руку и потащила к тому концу поля, где стоял вышеупомянутый преподаватель.

— Живо в строй! — гаркнул он, едва мы приблизились. — Сегодня работаете в парах. Новенькая, ты с Джейсоном.

— Отлично, — сквозь зубы выдавила я.

Джейсон молча кивнул в сторону поля.

— Пошли, — бросил он.

Форма у парней была куда приличнее: спортивные штаны и хлопковая футболка. Я же чувствовала себя почти голой, нервно озираясь по сторонам. Но, кажется, до моих скромных прелестей никому не было дела — все уже разбились по парам и направились к препятствиям.

— Запомни, — надменно заявил Джейсон, когда мы оказались у лабиринта из деревьев и кустарников. — Никуда не лезешь и делаешь только то, что я говорю.

— С каких это пор ты здесь командир?

— По праву рождения, — буркнул он и исчез в зелёных зарослях.

Я шагнула следом. Но едва сделала пару шагов, как моя нога провалилась во что-то вязкое и чавкающее.

— Шевелись, — прозвучал веток голос Джейсона. — У нас четырнадцать минут тридцать шесть секунд.

— Но учитель дал нам двадцать минут, если я правильно помню.

Внезапно чья-то хватка железным обручем сомкнулась на моей руке, и меня рывком выдернули из цепкой жижи.

— Ошибаешься, — прорычал он, припечатывая спиной к колючей изгороди. Колючки впились в кожу сквозь ткань, оставляя горящие, влажные следы, но боль почти не чувствовалась — только его грудь, прижатая вплотную, бёдра, вжимающие в колючки, дыхание, смешивающееся с чужим. Он навис сверху, заслоняя собой свет, и пульс отдавался в висках — его или собственный, уже невозможно было различить. Ладонь скользнула по шее, сжалась на затылке, притягивая ближе, и воздух исчез. — Я всегда первый. Четырнадцать минут и десять секунд.

Взгляд скользнул сверху вниз — медленный, оценивающий, раздевающий.

— Такая мелкая, — протянул он низким, бархатным голосом, скользя пальцами от основания моей шеи до подбородка. Прикосновение было грубым, но тело предательски отозвалось мурашками. — Похожа на цыплёнка.

— Отпусти, — выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он усмехнулся, но не отпустил.

— А шея такая тонкая. Её так легко... — он слегка сжал пальцы, не больно, но достаточно, чтобы я поняла: он мог. И сделал бы, если б захотел. — Свернуть.

Я застыла, парализованная странным, будоражащим ощущением — смесью страха и чего-то ещё, чему я не хотела давать названия. Воздух между нами сгустился, стал плотным, как вода, — в нём было тяжело дышать, тяжело думать, тяжело не чувствовать его.

В этот момент из кустов выбежала Кристина. Увидев нас, она замерла на секунду, переводя взгляд с меня на Джейсона. В её глазах полыхнула такая злоба, что я почувствовала, как она обжигает кожу, как режет воздух между нами. Джейсон даже не шелохнулся. Его рука продолжала лежать на моей шее, пальцы всё так же сжимали затылок — спокойно, собственнически, будто ничего не случилось. Будто её появление ничего не значило. Она сжала губы в тонкую, почти белую линию, развернулась и исчезла в зарослях, даже не взглянув на препятствие.

— Тринадцать минут сорок секунд, — бросил Джейсон, наконец-то отпуская меня. Он отступил ровно на шаг — и холодный воздух ворвался между нами, возвращая способность дышать. — Поторопись.

Он сорвался с места — резко, плавно, будто его тело знало этот лес лучше, чем разум. Я видела, как он исчезает между стволами, как тени смыкаются за его спиной, поглощая фигуру. Он не оглянулся. Только голос долетел из глубины, колющий и насмешливый:

— Ты хоть бегать умеешь?

— Урод, — выплюнула я, чувствуя, как кровь приливает

к щекам. — Ещё как умею.

Глава 4. Тень правды.

Иногда достаточно одной фразы, чтобы рухнул целый мир.

Джули

Рванула за ним.

В лесу, где я выросла, бег был не спортом. Бег был жизнью.

Мир вокруг исчез — только ветер в лицо, только земля под ногами, только мышцы, знающие своё дело. Я нагнала Джейсона за несколько секунд, обогнала и даже не взглянула на него.

Не спотыкаясь о корни и камни, вылетела на открытую площадку с висящими лестницами и канатами. Кристина уже была там — она стояла у самого края рва, крепко сжимая канат, готовая перелететь на другую сторону. Под ней колыхалась густая красная жижа, слишком яркая, чтобы быть просто водой, слишком вязкая, чтобы быть грязью. Похоже на кровь. Но не могла же быть она?

Влетела на площадку, не сбавляя скорости. Кристина уже занесла ногу для толчка, но я оказалась быстрее — врезалась в неё плечом, заставляя пошатнуться, и перехватила верёвку, рванув на себя.

— Пошла прочь! — выкрикнула она, пытаясь оттолкнуть

меня свободной рукой.

— Сама проваливай! — рывкнула я в ответ, вцепившись в снаряд мёртвой хваткой.

Кристина бросилась на меня — резко, неожиданно, вцепившись ногтями в предплечье. Я не думала. Просто ударила. Кулак попал в подбородок, голова мотнулась в сторону, и на её губе выступила кровь. Она упала, но тут же вскочила — и снова бросилась вперёд, с мокрым, злым выдохом, готовая рвать и кусать.

Дальше — темнота.

Я не помню, как наносила удары. Не помню, как мы покатились по земле. Помню только вкус — железо на губах. И её лицо под моими пальцами.

Что-то хрустнуло у неё в плече. Тёмная часть меня довольно замурлыкала.

Я прижала её коленом к спине и только тогда заметила свои руки. Они были в крови. На чёрной форме не видно пятен, но я чувствовала — горячая, густая влага уже пропитала ткань. Моя или её? Я не знала. Я смотрела на свои пальцы и не узнавала их. Они дрожали. Они были чужими. На них блестела алая плёнка, и где-то внутри, там, где должно было быть отвращение, шевелилось что-то другое. Тёмное. Голодное. Довольное.

Пальцы сжимались и разжимались, будто пробуя на ощупь только что совершённое. Я хотела остановиться, хотела отшатнуться, но тело не слушалось. А потом меня просто ото-

рвали от земли.

Чья-то рука сомкнулась на ворота и оторвала от земли — без усилий. Джейсон держал за шиворот и не отпускал.

Кристина вскочила, прижимая ладонь к разбитой губе. Сквозь пальцы сочилась багряная струйка, растекаясь по подбородку.

— Ты видела, что эта уродина сделала? — заорала она.

— До свадьбы заживёт, — бросил Джейсон, не глядя на неё.

Кристина перевела дыхание и вдруг улыбнулась — кровавой улыбкой, от которой по спине побежал холод.

— Конечно, дорогой, — проворковала она, мгновенно преобразившись, и перевела взгляд на меня. — Но я бы на твоём месте не расслаблялась. Такие, как ты, не должны появляться на свет. Хотя... возможно, тебе осталось недолго.

Она шагнула ко мне, наклонилась к самому уху, и её шёпот просочился внутрь, горький и едкий, как желчь:

— Твои родители уже получили своё. Думаю, и ты скоро присоединишься к ним.

Я смотрела на неё и не могла дышать. Пыталась вспомнить хоть что-то, чем они заслужили такие слова. Ничего. Только лес. Только тишина. Только их лица — такие живые в моей памяти. Они никогда не были жестокими. Никогда.

Я хотела не верить. Но она не кричала. Не угрожала. Она просто говорила, будто это был факт, не требующий доказательств. И это было страшнее любых угроз.

Всё это было уже слишком.

— Отпусти, — приказала я Джейсону.

Он не двигался. Внутри меня всё кричало, требуя свободы, рвалось наружу, готовое разорвать кожу.

— Разожми свои руки. Немедленно! — я вложила в эти слова всю свою волю, всю ярость, весь страх, который копился внутри. Голос сорвался на рык — чужой, низкий, звериный.

Пальцы Джейсона дрогнули. Я видела, как напряглись мышцы его предплечий, как он боролся с собой, с каждой клеткой своего тела. Секунда. Другая. А потом — словно через силу — он отпустил.

Я не стала ждать. Рванула прочь, к раздевалкам, чувствуя, как воздух обжигает лёгкие, как слёзы подступают к глазам, но я не позволяла им пролиться. Не здесь. Не при них.

Урок ещё не закончился. Я влетела в пустое, звенящее от тишины помещение и, судорожно срывая грязную форму, шагнула под обжигающе холодную воду.

Ледяные струи терзали кожу, пока она не покраснела. Но ни вода, ни время не могли смыть память о его прикосновениях — пальцы Джейсона на шее, его тело вплотную, сжимающее, не дающее дышать.

— Джули, — донёсся обеспокоенный шёпот Элис.

Я выключила воду и, обернувшись в полотенце, вышла.

— Ты как? — голос дрожал. — Мы все почувствовали это... даже там, на поляне.

Подняла на неё взгляд. Что я могла сказать? И что они могли почувствовать на таком расстоянии? Никто кроме Джея даже не видели нашу драку с Кристиной — густые заросли скрыли всё. Это казалось немыслимым. Так же, как и то, что звери разворотили машину в щепки. Сломали маме шею. Стреляли.

Звери не стреляют. Но я слышала.

Казалось, я схожу с ума. Вполне возможно, что мне давно пора к психологу. Или в психушку. Но сейчас все чего мне хотелось бы это просто остаться одной.

— Прости... Пожалуйста, могла бы ты уйти, — выдавила я, чувствуя, как непролитые слёзы обжигают глаза.

Элис помедлила, но тихо вышла.

Джули

Я сидела на скамье, обхватив колени, и смотрела в кафельную стену. В голове крутились обрывки — слова Кристины, взгляд Джейсона, запах псины у затылка. И главное — это ощущение, что все что-то знают, а я бреду в потёмках.

Мне захотелось уехать отсюда.

Всё ещё окутанная влажным полотенцем, я лихорадочно шарила в сумке в поисках телефона. Холодный пластик в пальцах казался чужим — как и весь этот мир. После долгих гудков в трубке раздался голос тёти.

— Забери меня отсюда, — вырвалось сдавленным всхлипом. — Я не хочу здесь оставаться. Вы все что-то скрываете...

Голос оборвался. Я разрыдалась, прижимая телефон к уху.

— О, дорогая, что случилось? Ты в порядке?

— Просто увези меня.

— Я бы с радостью, но... у нас сегодня крупная сделка. Помнишь те небоскрёбы, чертежи которых тебе показывала?

— Тётя! — вскрикнула уже не сдерживая истерику.

Тишина. Гулкая и тяжёлая.

— Я не смогу забрать тебя сама, но пришлю Эрика, — смягчилась она.

Звонок оборвался. Эрик прибыл достаточно быстро — хватило времени только на то, чтобы незаметно выскользнуть из раздевалки.

В машине было тепло. Из динамиков лилась тихая мелодия фортепиано, и я провалилась в сон — тяжёлый, без сновидений, который забрал меня целиком, не оставляя ни мыслей, ни страхов.

Очнулась уже у ворот резиденции. Поднялась к себе, переделась в любимую толстовку и джинсы — единственные вещи, которые ещё пахли той, прежней жизнью. Домом. Мамой. Папой. Рухнула на кровать и провалилась в зыбкие грёзы, где реальность смешивалась с воспоминаниями, а воспоминания — с кошмарами.

Вынырнула, лишь когда солнце уже утонуло за горизонтом, окрасив небо в багровые оттенки. В комнате царил полумрак. Мучила жажда.

В доме стояла давящая тишина. Каждый шаг гулко разлетался по коридору, не встречая преград, и пустота сжималась вокруг, как невидимая рука. В гостиной было распахнуто окно — тяжёлые занавески трепетали и хлопали на сквозняке, впуская вечерний холод. Я поёжилась, подошла к окну и с силой захлопнула створку. Занавески замерли, и тишина стала ещё плотнее.

Я спустилась в гостиную, и взгляд сам скользнул к каминной полке. Фотографии. Я, семилетняя, с кроликом. Близнецы в смешных комбинезонах. А вот мама и рядом с ней отец — счастливые, молодые, совсем не похожие на тех, кого я запомнила в последний раз.

На одном из снимков он был совсем юным. Рядом стоял другой парень — волосы цвета ночи, глаза-осколки льда. Позы, улыбки, взгляды — всё говорило о неразрывной дружбе. Но я никогда не слышала о нём. И почему-то от этого незнакомого лица по спине пробежал холод.

Тени в коридоре казались длиннее, чем должны. Где-то скрипнула половица — словно дом переступил с ноги на ногу, приближаясь к развязке. А потом сквозь стены просочились голоса. Я замерла, прислушиваясь, и бесшумно шагнула к приоткрытой двери кухни.

— Пора? — голос тёти дрогнул от боли.

— Думаешь, она сможет ходить в академию, ничего не зная? — голос Эрика звучал жёстко. — На грани. Ты бы видела, в каком состоянии я её забрал. От неё шли такие вол-

ны... Похоже, прежние опасения были напрасны. Она одна из нас.

— Брат так хотел защитить девочку. Всё уединение в том месте — только ради Джулии. А теперь даже не представляю, как объяснить...

— Зверь уже рвётся наружу. Придётся рассказать правду. Я окаменела. Слова врезались под рёбра, оставляя после себя только пустоту. Зверь. Я. Одна из них. Вся жизнь оказалась ложью. Не знаю, сколько я простояла так, прижавшись к стене, чувствуя, как дыхание застревает в горле. А потом — развернулась и выскользнула в сад. Ночной холод обжёг кожу, но внутренняя стужа была глубже. Я дрожала, хотя воздух был тёплым. Я дрожала в тёплом воздухе. Или это не дрожь? Может, это то, что рвалось наружу?

В телефоне зависло сообщение от Элис: «Джули, как ты? Боюсь, как бы Кристина не явилась по твою душу».

Я посмотрела на экран и вдруг поняла — не хочу оставаться здесь ни секунды. Слова Эрика всё ещё звучали в голове, въедались в сознание, но я отказывалась в них верить. Не могла. Слишком много вопросов. Слишком много лжи. Тело дрожало от напряжения, и казалось, если я останусь в этом доме ещё хоть на минуту — просто развалюсь на части.

Мне нужно было сбежать. Хотя бы на пару часов. Забыться. Не думать. Не чувствовать.

«Можешь за мной заехать?» — написала я дрожащими пальцами.

Через минуту телефон зазвонил.

— Я вообще-то еду на вечеринку, — голос Элис звучал бодро, но я слышала за этой бодростью тревогу. — Могу забрать тебя по пути, если хочешь.

На мгновение задумалась. Шум. Люди. Музыка. Всё, что угодно, только не этот дом. Только не тишина, в которой слышались собственные мысли.

— Хорошо, — выдавила, назвав адрес: — Эшвуд-лейн, 17.

— Думаешь, хоть кто-то в этом городе не знает родовое гнездо Андерсонов? — усмехнулась она. — Скоро буду.

Когда открылась дверца ярко-синего Porsche, Элис окинула меня взглядом и присвистнула:

— В таком виде нельзя показываться... Хотя кого я обманываю? Тебе всё равно не остаться незамеченной.

Я не ответила. Слова застряли где-то в горле. Я просто села в машину и захлопнула дверцу, чувствуя, как напряжение медленно отпускает, оставляя после себя только пустоту.

— Поехали уже, — буркнула я.

Элис фыркнула, но ничего не сказала. И за это я была ей благодарна.

.

Глава 5. Изнанка мира

Иногда, чтобы увидеть правду, нужно сначала ослепнуть.

Мы проехали через кованые ворота с монограммой «Р». Особняк Пейкерманов оказался одним из тех мест, где деньги перестают быть деньгами и становятся архитектурой. Чёрный мрамор, панорамные окна, ни одного лишнего элемента. Дорого. Пусто.

Внутри царил полумрак. Тяжёлые басы пульсировали где-то глубоко, отдаваясь в грудной клетке. Воздух был густым — алкоголь, чужой пот, что-то сладкое и тошнотворное. Я продиралась сквозь толпу за Элис, стараясь не касаться ничьей кожи.

— Волчий аконит, — перекричала она грохот. — Для волков ядовит, но в малых дозах расслабляет.

Музыка гремела в костях. Красные и синие вспышки резали темноту, вырывая из мрака чей-то оскал с клыками, уши, торчащие из-под волос, пальцы с жёсткими чёрными ногтями. И снова тьма.

Пелена лопнула. Я видела их. Они танцевали, пили, смеялись. Не знали, что я смотрю.

Сердце колотилось в горле. Это было жутко. Мистически. Слишком много для одного дня.

Я потеряла Элис из виду. Толпа сомкнулась, и я осталась одна.

Взгляд метался по толпе, пока не замер, пойманный двумя жёлтыми огнями.

Джейсон восседал в кресле, его силуэт тонул в полумраке. Расстёгнутая рубашка открывала грудь, ключицы, твёрдую линию пресса. Его фирменная ухмылка тронула губы. Но главное — глаза. Они горели жёлтым, не отражали свет — светили сами, двумя хищными маяками.

У меня перехватило дыхание. Люди не так смотрят.

Он отсалютовал мне бокалом, не отрывая взгляда. А я стояла, чувствуя, как кровь приливает к щекам, как внутри всё сжимается, и где-то под рёбрами зарождается странное, пугающее тепло.

— Вот ты где! — Элис вынырнула из тумана и схватила меня за руку. — Пошли.

Сердце колотилось где-то в горле.

— Здесь есть тихое место? Просто перевести дух.

— Давай попробуем наверху, — она потащила меня к лестнице.

Мы поднялись. Элис приоткрыла дверь в полумрак.

— О, нам повезло! Тут никого.

— Обернись, — сказала я.

— Что?

— Обернись, — повторила вновь.

Я сжала кулаки. Вспомнила, как на тренировке приказала

Джейсону отпустить меня — и он послушался, хотя явно не собирался. Тогда я подумала — совпадение. Теперь же после того, что услышала на кухне... после слов о звере внутри... я должна была убедиться.

Я почувствовала сопротивление. Чужое, плотное, как стена. Воля Элис дрожала под моим натиском.

А потом — щелчок.

Элис стала меняться. Я услышала, как ломаются кости, словно кто-то шагнул на сухой наст. Тело сжалось, вытянулось. Жёсткая шерсть покрыла кожу, воздух наполнился запахом тёплого леса и звериной кожи. Лицо исказилось, превратившись в мордочку с блестящими глазами. В ворохе платья извивался маленький зверёк похожий на куницу.

Мгновение — и всё растаяло. Элис снова стояла передо мной, бледная, дрожащими руками натягивая платье.

— Джули! — голос Элис прозвучал обиженно и глухо. — Нельзя так использовать силу!

— Прости, — голос сорвался. — Я просто хотела убедиться, что не схожу с ума. Что это всё не галлюцинации — эти лица, эта тьма...

Элис посмотрела на меня долгим взглядом.

— Ты правда ничего не знала об оборотнях? Совсем ничего?

Я хотела сказать «нет». Но замерла.

Родители никогда не уезжали дольше, чем на пару дней. Мама вздрагивала от каждого шороха. Отец проверял зам-

ки — и перепроверял, когда думал, что я сплю. А потом та ночь. Звери, которые рычали как люди. Люди, которые были как звери. Мамино лицо в разбитом окне. И амулет, нагревающийся на груди.

Я всё это знала. Просто не позволяла себе соединить точки.

— Догадывалась, — сказала я. Голос прозвучал ровно, чуждо. — Но думала, что схожу с ума.

Элис села на край кровати и обхватила колени. Я опустилась рядом.

— Как ты прошла полосу препятствий? Обогнала Кристину, которая тренируется с шести лет.

— С шести? — я опешила.

— Правда о сущности открывается годам к четырём, — продолжала Элис. — Обращаемся после совершеннолетия. У меня в прошлом месяце был день рождения. У тебя скоро, да?

— Откуда ты...

— После того, что сделали твои родители, о вас ходило много слухов.

— Мои родители... кем они были? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Элис помедлила.

— Твоя мама была крольком. А кто твой отец — спроси у своей могущественной тёти. Она давно должна была всё рассказать.

Я сглотнула. В горле пересохло.

— Почему хищники и травоядные — табу?

— Неизвестно, что унаследует ребёнок. Но хуже всего если он родится перевёртышем. Их боятся. Они сильнее, могут превращаться в разных зверей, но разум слаб. Они сходят с ума. Самый известный — Николас Спрайт. Обратился в пять лет, был гением. А потом заперся в лаборатории и создал орден охотников. Который нас отслеживает нас до сих пор.

— Значит, теперь мне тоже стоит их бояться?

— Каждому из нас. Перевёртыши под запретом. Браки между хищниками и травоядными — тоже. Поэтому твои родители скрывались. Но ты видимо обычный хищник. Иначе бы совет уже явился бы по твою душу.

Я откинулась на кровать, глядя в потолок. Слишком много информации за один день. Слишком много вопросов без ответов. Кажется, мне стоит обо всем хорошо подумать.

— Мне пора. Подкинешь? – попросила я Эл.

— Конечно.

Я встала, поправила толстовку. Элис тоже поднялась.

Мы вышли в коридор. В тот же миг я почувствовала чьё-то присутствие за спиной. Тёплое дыхание коснулось затылка.

— Элис, — раздался низкий, самоуверенный голос. — Оставь нас.

Я обернулась. Джейсон стоял в шаге от меня, прислонив-

шись плечом к стене. Его глаза всё ещё горели нечеловеческим жёлтым светом — даже в полумраке, даже сквозь дым.

Элис посмотрела на него. На секунду её лицо дрогнуло — растерянность, почти страх. Она перевела взгляд на меня, виновато.

— Прости, Джул, — бросила она тихо. — Я не могу.
И ушла. Быстро. Не оглядываясь.

Я поняла. Она не могла послушаться. Джейсон — альфа, и его слово здесь закон.

— Думаю, это не лучшая идея, — выдавила я.
— Следуй за мной.

Спорить не имело смысла. Я молча направилась к двери.

Глава 6. Стыд и Жар

Иногда самое страшное — не боль, а то, как легко тело забывает о ней.

Машина вылетела на трассу. Джейсон молчал, вцепившись в руль. Я сидела, прижавшись к дверце, и чувствовала его взгляд — тяжёлый, горячий. Он — зверь. Я только что узнала это. И всё равно поехала с ним.

— Куда мы едем?

Тишина.

Через пятнадцать минут мы свернули на грунтовку. Деревья сомкнулись над головой. Джейсон заглушил двигатель.

— Выходи.

Я не двинулась. Он вышел сам, обошёл машину и распахнул мою дверцу. Схватил за пояс джинсов, рывком перекинул через плечо. Земля ушла из-под ног, и на секунду я перестала понимать, где верх. Ударила кулаком по его спине — он даже не вздрогнул.

В ответ его ладонь опустилась на мою задницу — звонкий, чувствительный шлепок. От неожиданности я замерла.

— Отпусти!

— Ещё раз дёрнешься — добавлю, — в голосе послышалась усмешка.

Меня сбросили на землю. Колени впились в жёсткую тра-

ву, и боль обожгла ноги. Ладони защипало — мелкие камни врезались в кожу, оставляя горящие следы.

Луна висела низко, её свет пробивался сквозь ветки. Я поднялась.

— Что тебе нужно?

— Проверить кое-что.

Он шагнул ближе. Я попятилась, уперлась спиной в шершавый ствол.

— Раздевайся.

Слово ударило под дых. Где-то глубоко внутри разлилось горячее, запретное возбуждение — и одновременно холодный ужас от того, что это тело слушается не меня. Руки дёрнулись сами, вопреки разуму, вопреки гордости. Я вцепилась в край толстовки, потянула вверх. Ткань скользнула по коже, открывая живот, рёбра, кружево лифчика. Я не хотела этого, но пальцы продолжали движение, будто подчиняясь чужой воле.

Холодный воздух обжёг.

— Прекрати, — выдохнула я.

Он смотрел. Не отрываясь. Его взгляд оставлял след на коже. Тягучий. Горячий. Меня трясло от унижения, но тело отзывалось жаром. Дыхание сбилось, грудь часто вздымалась под тонким кружевом.

— Ты дрожишь, — сказал он тихо. Шагнул ближе.

Он провёл рукой по моему плечу. Медленно. От шеи вниз, к ключице, к краю лифчика. Кожа под его прикосновением

горела. Мурашки побежали по спине, живот сжался, между бёдер разлилась пульсирующая тяжесть. Влажность становилась невыносимой. И я ненавидела себя за это.

Его дыхание стало глубже, прерывистее. Я видела, как расширяются зрачки, приобретая нечеловеческую форму. Как напрягаются мышцы шеи. Всё в нём кричало о желании — в том, как тяжело он дышал, как дрожала рука, касаясь моей кожи.

А потом его ладонь опустилась ниже. К поясу джинсов. Кисть скользнула под ткань, касаясь живота. Я замерла, не дыша. Он провёл по коже медленно, чувствуя каждую мышцу, каждый вздох. Большой палец очертил край пупка, спустился ниже, к косточкам таза. Он сжал их, чуть потянул на себя, прижимая меня ближе.

Хотелось, чтобы он остановился. Но ещё сильнее — чтобы не останавливался.

— Прекрати, — прошептала я.

Амулет на груди вспыхнул. Жаром. Угольком, прижатым к коже.

Он резко отшатнулся. В глазах мелькнуло что-то — страх? Растерянность? Неверие?

И вдруг я поняла.

Он не просто испугался. Он подчинился. На секунду — но подчинился. Так же, как тогда на тренировке. Как с Элис в комнате. Я могла сделать с ним то же, что он делал со мной.

— Раздевайся, — приказала я, голосом не терпящим воз-

ражений.

Он дёрнулся, будто от пощёчины. Пальцы дрожали, когда он рванул пуговицы рубашки. Ткань треснула, полетела на землю. Лунный свет ложился на его торс — ключицы, твёрдые мышцы живота. Кожа блестела от выступившей испарины. Дыхание — рваное, частое, со свистом вырывалось из груди.

Рука потянулась к ремню. Пряжка звякнула. Но пальцы замерли, сжав металл, — он боролся с собой.

— Что ты делаешь со мной? — прохрипел он. Голос сломался. В нём не было злобы. Только растерянность. И желание. Я видела, как напряжены его бёдра, как кисти сжимают пряжку, но не расстёгивают.

Его запах ударил в голову. Терпкий, мускусный, горячий. Смешанный с потом и чем-то ещё — животным, первобытным. Я сделала шаг вперёд. К его губам. К его коже.

Он стоял передо мной полураздетый. Я могла заставить его раздеться до конца. Могла заставить сделать всё, что захочу.

И мне это нравилось.

Я протянула руку и коснулась его груди — так же медленно, как он касался меня минуту назад. Ладонь скользнула по горячей, влажной коже, чувствуя, как под ней напрягаются мышцы. Провела по ключицам, вниз, к животу — в точности повторяя его движения, возвращая ему то же самое прикосновение, от которого сама едва не сошла с ума. Его дыхание

сбилося, стало чаще — пресс сократился под моими пальцами. Из горла вырвался короткий, сдавленный звук — не то стон, не то рык. Он замер, не дыша. Глаза горели жёлтым. Он ждал. Теперь он чувствовал то же, что и я. И это было слаще любой мести.

Я смотрела на него. На его губы — приоткрытые, влажные. На челюсть, где под кожей перекачивались мышцы. На тело, которое принадлежало мне в эту секунду.

А потом убрала руку.

— Одевайся, — приказала я вновь. — И отвези меня домой.

Он натянул рубашку, застегнул ремень. Не глядя на меня. Дышал тяжело, но уже ровнее. Развернулся и пошёл к машине.

Всю дорогу мы молчали. Я смотрела на своё отражение в стекле. Колени саднили, ладони горели. На коже всё ещё оставалось тепло его прикосновений. Между бёдер — пульсация. Влажность белья напоминала, как легко тело предало меня.

Перевела дыхание и поймала себя на мысли, что это чувство — власть над ним — пьянило сильнее, чем страх. Я могла заставить его. И мне это понравилось.

Джейсон

Она сидела, прижавшись к дверце, и смотрела в окно. Не на меня.

Бесило, блядь. До скрежета зубов.

Она приказала — и моё тело подчинилось. Снимал рубашку и не мог остановиться. Даже когда велела одеться — послушался. Как грёбаный пёс.

Её запах всё ещё стоял в носу. Трава. Снег. Этот чёртов лес. Я вдыхал его, и кровь прилиwała к члену. Сердце кололо в горле от злости — на неё, на себя, на то, что не мог это контролировать. В итанах тесно до боли. До дискомфорта, от которого хотелось выть.

Её прикосновения всё ещё горели на коже. Там, где ладонь скользила по груди, по животу. Даже когда убрала руку — остался след. Как грёбаный призрак.

Тело напряжено. Оно хотело её. И это бесило больше всего. Сильнее, чем пощёчина отца. Сильнее, чем все унижения. «Ты будущий альфа, Пейкерман. Возьми себя в руки».

Я сжал руль и выдохнул. Медленно. Сквозь зубы. Сквозь ярость, которая разъедала изнутри.

Глава 7. Глаза Ворона

Иногда тишина говорит громче, чем крик.

Я проснулась от того, что колено саднило при каждом движении. Ладони горели — там, где вчерашние камни впились в кожу. Голова гудела, а на коже всё ещё чувствовалось тепло его прикосновений. Воспоминания нахлынули — пальцы на шее, дыхание у самого уха, жёлтые глаза в темноте, запах, который до сих пор стоял в носу.

Провела рукой по животу. Кожа чистая. Никаких следов. Но внутри всё ещё горело.

Я провела по амулету пальцем — никаких новых трещин. Только старая, тонкая, как паутина. Я сняла его с шеи и впервые по-настоящему рассмотрела. Он был похож на каплю, застывшую в полёте, — гладкий, чуть вытянутый, из чёрного камня, который казался темнее самой ночи. Ни вкраплений, ни бликов — только глухая, плотная чернота, будто камень вобрал в себя всю тьму мира и держал её внутри.

Я села и заставила себя посмотреть в зеркало. Лицо было тем же, но взгляд — другой. Вчера я смотрела на мир с растерянностью, сегодня — с вызовом.

Натянула форму. Из сумки извлекла расписание.

Физкультура — каждый день. Скрытность, маскировка, самооборона от охотников. Алхимия вместо химии. И жир-

ным жёлтым: «Трансформация — переход в звериную форму и обратно. Посещение только по достижении совершеннолетия».

Я перевернула листок. Логин, пароль, портал академии. Войдя в аккаунт, обнаружила десятки сообщений. Большинство удалила, не читая. Но одно заставило замереть:

«Ты хочешь узнать правду о смерти родителей. Я знаю, кто это сделал. Приходи в «Энчант» до одиннадцати. Одна».

Без подписи. Без приветствий. Без намёков на дружбу или помощь. Просто факт.

Телефон отключила и поспешила вниз. Машина с Робертом уже ждала. Тётя ушла рано. Видимо разговор переносился.

— Роберт, отвезите меня в одно место. Тёте необязательно знать.

Он помолчал.

— Ваша тётя будет спрашивать, мисс. Что мне ей сказать?

— Скажите, что гуляла по городу.

Снова пауза. Потом кивнул.

— Хорошо, мисс.

Мы остановились в Старом городе. Здесь асфальт переплетался с мостовой, а время, казалось, текло иначе — медленнее, тягуче. Роберт указал на здание, и я вышла.

«Энчант» прятался в тени старого дуба. Фасад из тёмного дерева, витражные окна с узорами из лунных фаз, занавески, колышущиеся без ветра. Дверь — массивная, с затейливой

резьбой.

Я сделала несколько шагов по мокрой брусчатке. И замерла.

Не звук. Не движение. Просто взгляд. Чужой. На затылке. Я подняла голову.

Ветви старого дуба нависали над крышей «Энчанта». Сквозь листву я увидела силуэт. Он стоял на самом краю. Смотрел куда-то вдаль. Утреннее солнце пробивалось сквозь плотную дымку. Свет слепил, мешал разглядеть лицо. Только фигуру. Высокую. Неподвижную.

И за спиной — тень. Огромная. Похожая на сложенные крылья.

Сердце пропустило удар.

Я вглядывалась, силясь понять, что вижу. Туман клубился вокруг его ног, поднимался выше, окутывал фигуру. Она казалась призрачной. Ненастоящей.

Порыв ветра качнул ветви. Тяжёлые листья колыхнулись — и силуэт исчез. Будто его и не было. Только пустая крыша, шелест листвы и утреннее солнце, пробивающееся сквозь туман.

Я моргнула.

Наваждение?

Или просто игра света и тени?

Я покачала головой, отгоняя странное видение, и толкнула дверь «Энчанта».

Колокольчик звякнул тихо, как предупреждение.

Внутри пахло травами, старыми страницами и чем-то ещё — сладковато-гнилым, как отцветшие лилии. Свечи мерцали на стеклянных банках с сушёными растениями. Тома в кожаных переплётах теснились на полках, корешки тускло поблёскивали золотым тиснением. Тишина. Ни души. Казалось, сам воздух здесь был густым, пропитанным вековой пылью и забытыми тайнами.

Я подошла к прилавку. За стеклом лежали десерты, каких я не видела раньше — печенья с символами, пирожные с янтарной начинкой, круассаны с золотистой корочкой. Взгляд прилип к печеньям: на одних — луны в разных фазах, на других — звёзды, перечёркнутые линиями. От них пахло пылью и мёдом — и чем-то ещё, от чего слегка кружилась голова.

— Отличный выбор, — раздался голос. Певучий, чуть хриловатый.

Я подняла глаза.

Женщина за прилавком казалась частью этого места. Волосы переливались огнём — красные, золотые, рыжие пряди сплетались в тяжёлый водопад. На шее — несколько нитей бус: бирюза, янтарь, аметист. Кольца с крупными камнями облепили пальцы. Она смотрела на меня глазами, в которых мерцали золотистые искры — не отражённый свет, а собственный, внутренний огонь.

— Никогда не пробовала таких сладостей, — ответила я.

— Оооо, это особые угощения, — нараспев произнесла

она. — Говорят, что, отведав их, некоторые видят будущее. Другие постигают скрытую истину. А третьих мучают бесконечные кошмары, от которых нельзя проснуться.

Она замолчала и медленно перевела взгляд на мою грудь — туда, где под тканью формы угадывался амулет. Задержалась на секунду дольше, чем нужно.

Я не услышала шагов. Не почувствовала дыхания. Только голос — слишком близкий, слишком спокойный — раздался прямо над ухом:

— Вот именно поэтому я и не советую их брать. Возьми лучше тыквенный пирог. Он здесь единственное, что не оставляет послевкусия.

Я резко обернулась.

Глава 8. Сердце ночи

*Правда — это не всегда то, что ты хочешь услышать.
Но всегда то, что нужно.*

Он стоял в двух шагах и не отводил взгляда. Казалось, всё замерло, давая ему как следует изучить меня. Он не говорил ни слова. Только смотрел.

Серебряные волосы струились в свете свечей, отливая тусклым металлом. Высокий, широкоплечий, с хищной грацией пантеры — но в отличие от Джейсона, в нём не было той давящей, злой силы. Спокойствие. Уверенность. И холодный, изучающий взгляд, от которого по коже бежали мурашки.

— Луциан, — представила его Ингрид, но он не сразу отреагировал. Секунду — или вечность — он всё ещё смотрел на меня. Потом моргнул. Улыбнулся уголками губ — сердце пропустило удар.

Красивый. Потрясающе красивый.

— Давай пройдем за столик, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

Мы устроились в креслах. Я провела пальцем по бархатной обивке — ткань была мягкой, тёплой, словно живой. Воздух вокруг мерцал, и я не могла понять, то ли это игра свечей, то ли здесь действительно всё иначе.

Ингрид поставила перед нами дымящиеся чашки. Пар поднимался неспешно, таял в полумраке, и в его изгибах чудились необычные очертания. Я потянула носом — пахло корицей, мёдом и чем-то ещё, от чего слегка закружилась голова.

— Кафе закрыто до полуночи, так что не бойся, — добавил он, заметив, как я оглядываюсь по сторонам.

Я отломил кусочек пирога. Корж рассыпался в пальцах тёплой крошкой, а внутри оказалась начинка, переливающаяся янтарём.

— Ты знаешь, кто убил моих родителей?

Он кивнул.

— Совет Семерых. Семь семей-основателей. Они правят нашим миром.

У меня перехватило дыхание. Я сжала вилку так, что пальцы побелели.

— За что? — Голос прозвучал глухо, чужим.

Луциан не ответил сразу. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах, потом на шее — там, где под воротом угадывался амулет. Я поймала себя на том, что сама рассматриваю его. Чётко очерченные губы, изогнутые в лёгкой, едва заметной усмешке. Глаза — цвета расплавленного серебра, смотрящие так, будто видят насквозь. В нём было что-то холодное, почти нечеловеческое — и одновременно завораживающее. Как у тайны, которую хочется разгадать.

— Не за что, — тихо сказал он. — Из-за того, что у тебя

есть.

Его рука медленно поднялась. Пальцы скользнули к моей шее, зацепили цепочку и аккуратно вытащили подвеску из-под ворота. Кожу обожгло холодом металла и его прикосновением. Его взгляд впился в амулет.

«Сердце Ночи» повисло на свету, сверкнув тусклым металлом.

— Это истинная причина, — сказал Луциан, не убирая руку. Его пальцы всё ещё лежали на цепочке. Я не могла понять, было ли это случайностью.

— Совет охотится за тобой. Твои родители скрыли не только тебя — они забрали то, чем Совет мечтал завладеть.

Он убрал руку, но я всё ещё чувствовала тепло там, где он касался. Я посмотрела в окно. Витражное стекло искажало улицу: фонари расплывались в призрачные пятна, тени тянулись неверно, и на секунду в отражении мелькнуло чужое лицо. Я моргнула — и снова увидела только себя.

— Откуда ты так много знаешь? — спросила я. — О моей силе, если я сама о ней узнала только сегодня. С чего ты взял, что она вообще у меня есть?

Луциан помолчал. Потом достал из внутреннего кармана пиджака тонкую потрёпанную тетрадь в кожаном переплёте.

— Дневники моих родителей. Они изучали перевёртышей. Годами. Записывали всё — природу их дара, способы подавления, ритуалы пробуждения. — Он положил тетрадь на стол. — Там же — всё о «Сердце Ночи». Как оно работа-

ет. Как слабеет. И как помочь перевертышу пробудиться... не сломаться.

Я смотрела на тетрадь. Потёртый корешок, пятна на обложке — возможно, крови.

— Дар перевертыша тем сильнее, чем могущественнее были его родители. — Он сделал паузу.

— Это хорошо?

Он не ответил. Только убрал тетрадь обратно.

Я молчала, переваривая услышанное. В зале было почти темно, только свечи отбрасывали блики на стены, казалось, что тени на секунду замирают не там, где должны, а потом послушно возвращаются на свои места.

— Если они узнали... — мой голос дрогнул. — Почему я до сих пор жива? Они могли бы уже не раз...

— Могли бы, — перебил он. — Но не стали.

— Но почему? — В моём голосе прозвучало раздражение.

Луциан посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. В его глазах промелькнула тень неуверенности.

— Этого я не знаю. Но это не значит, что ты в безопасности. Они чего-то ждут.

— Чего?

— Возможно, твоего совершеннолетия. — он замолчал. — А может, твоя жизнь нужна им для чего-то другого.

Я откинулась на спинку кресла. Совет, амулет, перевертыши... голова шла кругом. За окном что-то скрипнуло — я не стала оборачиваться.

— Ты сказал, что у меня есть шанс не сломаться, — посмотрела ему прямо в глаза. — А те, кто не смог? Что с ними?

Луциан замер. Всего на секунду. Но я заметила, как дёрнулся его кадык, когда он сглотнул.

— Судя по записям, мои родители пытались найти способ помочь. Почти никому не удавалось выжить после пробуждения силы. — Он кивнул на амулет. — Пока они не создали «Сердце Ночи».

— А потом их убили. Артефакт украли. — Голос его стал тише. — А те немногие перевёртыши, что всё же выживали... они сходили с ума. Присоединялись к Спрайту, становились охотниками, ненавидели свою сущность. Поэтому их убивают при рождении. Всех. Без разбора.

— А я — дочь альфы, — закончила я за него. — Значит, мои шансы...

— Я не знаю, — перебил он. — Никто не знает. Но если ты не попробуешь подготовиться к моменту пробуждения, тебя убьёт либо твоя сила, либо Совет.

Я отвела взгляд. Тишина в кафе стала почти осязаемой. Где-то за стеной скрипнула половица.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила я, снова глядя на него. — Если они затаились и чего-то ждут, зачем тебе рисковать?

Луциан посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах вспыхнули жёлтые искры — холодные, цепкие.

— Потому что мы можем помочь друг другу. Ты хочешь выжить. Я хочу уничтожить Совет. Вместе у нас есть шанс.

Колокольчик над дверью звякнул. На пороге возник Джейсон.

Луциан мгновенно преобразился. Поднялся, двинулся навстречу, хлопнул парня по плечу.

— Привет, дружище!

Джейсон окинул меня неприязненным взглядом.

— Отца опять мучает бессонница. Надеюсь, Ингрид приготовит настойку.

Из-за занавесей появилась Ингрид. Она молча взяла с полки маленький пузырёк из тёмного стекла. Жидкость внутри переливалась — от густого красного до неоново-фиолетового, словно в нём жил свой собственный свет. Джейсон сжал пузырёк в кулаке, и на секунду мне показалось, что свечение стало ярче.

— Сколько ещё осталось до твоего совершеннолетия? — спросила Ингрид, протягивая ему снадобье.

— 31 декабря.

Я поперхнулась. Кофе обжёг горло.

— Я родилась в один день с этим ублюдком, — сказал, скорее, самой себе.

Повисло звенящее молчание. Огоньки свечей дрогнули, будто и они замерли в ожидании.

Джейсон вышел, бросив на меня быстрый взгляд — в нём смешались ярость и что-то ещё, чего я не смогла прочесть.

Дверь за ним закрылась, и колокольчик звякнул в последний раз, жалобно, как предупреждение.

Я заметила, как улыбка Луциана сползла, как только дверь закрылась. Ингрид что-то тихо сказала ему — желваки заходили на его красивом лице.

— Похоже, вы не так близки, как кажется, — сказала я.

Луциан резко обернулся. На мгновение его лицо дрогнуло — черты заострились, став почти неуловимо хищными, птичьими. У уголков глаз проступили тёмные полосы, похожие на перьевой след, а зрачки полыхнули серебром — холодным, цепким. Я вгляделась в них и уже не могла отвести взгляд: они держали, манили, втягивали в ледяную бездну, и где-то на грани сознания вспыхнуло: *не отрывайся*. Я моргнула, с усилием разрывая эту нить, — и в то же мгновение лицо снова стало обычным, зрачки — круглыми, человеческими.

— Близки? — переспросил он. Голос был тихим, но в нём звенело что-то, от чего мне захотелось отшатнуться. — Мы никогда не были по-настоящему близки. Ты ведь знаешь, кто его отец...

Он замолчал.

— Мою семью убили, когда мне было пять, — сказал он. Каждое слово давалось ему с трудом, будто он выталкивал их из себя. — Совет. Они не просто отобрали бизнес, деньги, дом. Они стёрли нас. Чтобы никто не вспоминал. Чтобы никто не мстил. Но они просчитались — даже в столь юном

возрасте я всё запомнил.

Он посмотрел на меня, и в его глазах не было жалости к себе. Только ненависть. Глубокая, выжженная, как уголь.

— Ты спрашиваешь, почему я помогаю тебе? — его голос сорвался на шёпот, но в нём было больше силы, чем в крике. — Я хочу, чтобы они сгорели. Все. До единого. И если для этого мне придётся научить тебя управлять своей силой — я научу.

Он отвернулся. Я увидела, как дрожат его плечи — едва заметно, но достаточно, чтобы понять: он не шутит.

— Но это не только месть, — добавил он тихо. — У тебя есть шанс выжить. У меня — остановить их. Мы можем помочь друг другу.

— Я верю, что ты сможешь, — сказал он. В его голосе не было тепла. Только уверенность. — Сила, которую ты носишь, способна на то, что ты даже представить не можешь.

— Мне нужно подумать, — ответила я.

Луциан покачал головой.

— Хорошо. Но помни: только я могу помочь тебе. Никто больше не обладает этими знаниями. Все эксперименты проходили в тайне от других кланов. Чем быстрее ты это осознаешь, тем быстрее мы начнём.

Мне не нравилось его давление. Не нравилось, что по словам Луциана у меня не оставалось выхода, кроме как объединиться с ним.

— Я ведь могу оказаться и простым оборотнем.

Он не ответил. Только смотрел.

Я встала, и мир качнулся. Голова кружилась от всего, что услышала.

Развернулась и пошла к дверям. Уже взялась за ручку, когда его голос настиг меня — тихий, спокойный, от которого по спине побежали мурашки.

— Я видел на амулете трещину, Джули.

Я замерла, не оборачиваясь.

— Их станет девять. Когда это случится — твоё время выйдет.

Я толкнула дверь и вышла на улицу. Колокольчик звякнул в последний раз — тихо, насмешливо. Его слова всё ещё звучали в голове: «Когда трещин станет девять — твоё время выйдет».

Я посмотрела на амулет. Одна трещина. Восемь — до конца.

Глава 9. Алхимия страха

В мире, где все хищники, слабость — это приговор.

Коридор встретил меня холодным блеском полированного камня и приглушённым гулом голосов. Я шла, вжав голову в плечи, стараясь не привлекать внимания. За вчерашний день усвоила одно: здесь лучше быть незаметной.

Чья-то массивная фигура врезалась в меня, едва не сбив с ног.

— Эй, новенькая, полегче!

— Это ты в меня врезался, — ответила я, потирая ушибленное плечо.

Он не ответил. Я подняла глаза. Парень был высоким, с тяжелой челюстью и холодными, цепкими глазами. Когда он усмехнулся, я заметила — клыки. Острые, белые, слишком длинные для человеческого рта. Его дружки — двое, трое — уже стояли полукругом, перекрывая коридор. Такие же хищные, с одинаковыми цепкими взглядами, они двигались как стая — слаженно, бесшумно, будто знали друг друга не годами, а с рождения.

Рядом с ним стояла Кристина. Она не смотрела на меня, поправляла макияж в маленьком зеркальце, но я знала — она ждала. Вся эта сцена была построена вокруг неё.

— Чего уставилась? — парень наклонил голову.

Я промолчала.

— Отвечай, когда спрашивают, — он шагнул вперёд. Его пальцы сжали моё запястье. Крепко. До боли.

— Смотри, какая смелая, — Кристина убрала зеркальце в карман и лениво окинула меня взглядом, будто я была насекомым, которое случайно заползло в её комнату.

Парень дёрнул меня вперёд. Я не удержалась на ногах — и в тот же миг двое его дружков подхватили меня с обеих сторон, заламывая руки за спину. Крепко. До хруста в плечах. Я дёрнулась — бесполезно. Они держали как стальные тиски.

Кристина шагнула ближе. Её палец — длинный, с идеальным ногтем — коснулся моей щеки. Провёл по скуле медленно, почти ласково.

— Какая нежная кожа, — сказала она тихо. — Как у кролика.

Ноготь надавил. Я почувствовала, как он впивается, царапает, режет. Тёплая струйка потекла по щеке.

— Жалко будет, если испортится, — прошептала она мне на ухо.

Никто не вмешался. Никто даже не посмотрел в нашу сторону. Я была для них воздухом. Они просто шли мимо, будто ничего не замечали. Будто это было нормально.

Кристина убрала руку, поднесла коготь к губам и провела по нему кончиком языка — медленно, смакуя, будто пробовала дорогое вино. На её губах осталась алая полоска. Моя кровь.

— Действительно кролик, — проворковала она.

Парни отпустили меня так же резко, как схватили. Я пошатнулась, но устояла. Руки онемели, плечо пульсировало глухой болью. Я не могла пошевелить пальцами несколько секунд — кровь возвращалась в них медленно, колючими иголками. Я заставила себя дышать ровно, хотя внутри всё кричало.

Они двинулись за Кристиной — бесшумно, плавно, как стая, которая уже взяла своё.

Я вытерла щеку тыльной стороной ладони. Кровь осталась на коже. Тонкая царапина горела. В коридоре снова стало пусто.

— Джули, — раздался голос Элис откуда-то сбоку. Она стояла, прислонившись к стене, и смотрела на меня странно — то ли испуганно, то ли с уважением. — Ты как? Эти шкалы...

— Пошли, — сказала я. — У нас алхимия.

Класс алхимии оказался не тем, что я ожидала. Вместо ультрасовременных панелей — стены, затянутые плющом, плотным, почти живым на ощупь. Лианы обвивали колонны, свисали с потолка тяжёлыми гирляндами. Светильники в форме полумесяцев и полных лун мерцали тусклым, зеленоватым светом. Вместо парт — длинные столы из грубого, некрашеного дерева, заляпанные тёмными пятнами, впи-

тавившимися в древесину. На столах — котлы, кристаллы, пузырьки с мутными жидкостями.

Пахло здесь странно — горелым, серой, чем-то кислым.

— Добро пожаловать, юные души, чьи сердца бьются в ритме луны, — раздался голос.

Из-за колонны вышел мужчина. Глубокие морщины избороздили его лицо, но в каждом движении чувствовалась сила. Глаза — янтарные, с вертикальными зрачками, как у змеи. Уши слегка заострены.

— Меня зовут мистер Рид, — сказал он. — Я научу вас слышать голос трав и камней.

Кристина сидела в первом ряду, прямая, как стрела, и ловила каждое его слово. Иногда вскидывала руку, цитируя что-то на незнакомом языке. Мистер Рид кивал, но без особого интереса.

А потом он спросил:

— У кого есть вопросы?

Моя рука поднялась сама.

— А зелье невидимости? Его нельзя назвать ни усиливающим, ни исцеляющим?

Я и сама не поняла, зачем спросила.

Мистер Рид повернулся ко мне. Зрачки расширились, потом сжались в щели.

— Как вас зовут?

— Джулия.

Он ждал.

— Джулия Андерсон, — добавила я.

— Хм. — Он прищурился. — Не знал, что у вашего рода ещё осталось молодое поколение.

Он начал демонстрацию. Я следила за его руками — ловкими, почти гипнотическими. Он смешивал ингредиенты, и котёл дышал, шипел, менял цвет от мутно-зелёного до густого, бархатного пурпурного.

— Теперь вы.

Я боялась начать, но пальцы сами потянулись к колбе с лунным цветком. Лепестки светились изнутри, от них пахло свежестью и чем-то холодным, как зимнее утро. Я осторожно наклонилась, вдохнула.

Мир поплыл. Цвета смешались, потолок поехал в сторону, пол качнулся. Я успела ухватиться за край стола и замерла.

Чья-то рука — Элис — легла на мою спину, придерживая, не давая упасть.

— Дыши, — тихо сказала она. — Медленно. Не спеши.

К горлу подступила тошнота — кислая, горячая. Я сжала челюсти, сглотнула, заставила себя дышать через рот. Стол под пальцами ходил ходуном, но я не отпускала. Не здесь. Не при всех.

— Мисс Андерсон! — голос мистера Рида донёсся сквозь вату. — Живо к окну. И не дышите над котлом.

Я сделала шаг. Второй. Дошла до подоконника, опёрлась ладонями о холодный камень. Тошнота отступила, но не ушла. Я дышала, стараясь не думать о том, что могло бы слу-

читься.

Студенты засмеялись — негромко, но отчётливо. Кристина улыбнулась.

— Ей нравится, когда другие страдают, — шепнула Элис.
— Не показывай, что тебе плохо. Это её кормит.

— Не стоит злорадствовать, — усмехнулся мистер Рид.
— Лунный цветок опасен. Она удержалась на ногах. Это уже больше, чем некоторые из вас.

Он подошёл к моему котлу, посмотрел на мутную жидкость, приняхался.

— Неожиданно, — сказал он тихо. — Вы сварили не то, что я просил.

Я ждала разноса.

— Но это не плохо. Это... редкость. — Он взял склянку и перелил зелье в неё. Жидкость вспыхнула тусклым синим светом и погасла, оставив запах озона и цветущего жасмина.

— Чудесная эссенция ночи, — пробормотал он. — Я сохраню это.

Остаток дня пролетел на удивление быстро. Я уже выходила из здания, зная, что Роберт ждёт снаружи, как вдруг за поворотом колонны услышала знакомые голоса.

— С каких пор ты общаешься с такими, как эта? Дикарка из леса. — Голос Джейсона был холодным.

— А тебе какое дело? Может, я влюбился? — ответил Луциан с лёгкой усмешкой.

— Не делай из меня дурака, — рыкнул Джейсон. — Так

зачем она тебе?

— А тебе?

Я замерла за колонной. Но стоило мне прислушаться, как чья-то рука легла на моё плечо.

— Не стоит, — тихо сказала Элис. — Они почувствуют, что ты здесь.

Я кивнула. Мы молча развернулись и пошли к выходу, не оглядываясь. Голоса Джейсона и Луциана стихли, но они всё ещё звучали в голове.

Глава 10. Закон крови

Правда не всегда делает тебя свободнее. Часто она просто даёт тебе выбор — смотреть вперёд или утонуть в прошлом.

Солнце почти ушло за горизонт, когда я вернулась в резиденцию.

Выйдя из машины, почувствовала лёгкую усталость, меня всё ещё подташнивало после алхимии. У парадного входа стояла тётя. Она была воплощением элегантности — безупречная причёска, идеально сидящий деловой костюм, никаких лишних деталей.

— Пожалуй, нам пора выпить вместе чашечку чая, — услышала я её слова, обращённые ко мне.

Мы обе понимали, что это значило: нас ожидает серьёзный разговор.

Но она не повела меня в гостиную. Вместо этого тётя взяла меня под руку и направилась к стеклянной двери в дальнем конце холла. Та выходила в небольшой внутренний сад.

Я никогда не была здесь раньше. Терраса выходила в сад — голые ветви деревьев чертили по темнеющему небу острые линии. В центре стоял кованый столик, на нём горели свечи в стеклянных фонарях. Пахло лавандой и вечерней прохладой.

Тётя села в одно из кресел, жестом приглашая меня занять другое. Я опустилась напротив. Свечи мерцали, и их свет делал лицо тёти мягче, моложе, почти таким же, как на старых фотографиях.

— Милая, — начала она, и её голос дрогнул. — Прости, что не открыла тебе глаза на этот мир раньше. Я боялась. Боялась, что испугаешься, что на тебя и так слишком много навалилось. Все эти полгода и так были тяжелыми. А теперь, когда ты узнала всё не от меня, сердце сжимается от боли.

Она замолчала. Пальцы слегка дрожали, когда она поднесла кружку к губам, но так и не отпила — поставила обратно. Смотрела не на меня — в темнеющее небо, будто там, в уходящем свете, можно было найти слова, которые не могла произнести вслух. Тётя сглотнула — слишком громко в повисшей тишине. Ветер качнул кусты лаванды, и их аромат смешался с запахом нагретого камня и свечей.

— Ты, наверное, уже знаешь, что первый ребёнок в паре хищника и травоядного может родиться Перевертышем. А это значит, что Совет непременно забрал бы тебя и уничтожил. Твои родители очень любили друг друга и тебя, и поэтому они нашли единственное, как тогда им казалось, правильное решение. Спрятаться от всех, подавлять твою силу и растить тебя как обыкновенную девочку. И надо сказать, довольно долго им удавалось быть незаметными. Но... — она замолчала, будто собиралась с силами для продолжения.

— Но потом случилась та ночь... — помогла я ей.

Тётя сглотнула. Казалось, каждое слово стоило ей неимоверных усилий.

— Твоя мать позвонила и сказала, что они идут за вами. Откуда она узнала — мне неизвестно. Но голос её дрожал, и она умоляла о помощи. Я собрала всех, кого смогла, кто ещё был верен нашей семье... — она закрыла ладонями лицо и тихо всхлипнула. Плечи вздрагивали, и я впервые видела её такой — не собранной, не сильной, а просто сломленной, живой, настоящей.

Закат догорал. Небо темнело, и на нём зажигались первые звёзды. Где-то в кустах застрекотал сверчок — последний в этом году, перед наступающими холодами.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри поднимается злость. Пальцы впились в подлокотники кресла, ногти оставляли следы на мягкой ткани. В горле пересохло, но я заставила себя говорить.

— Моя жизнь была ложью? — голос дрогнул. — Вы вращали мне семнадцать лет. Все вы. А теперь сидишь здесь и ждёшь, что я скажу «спасибо»?

Слова вырвались наружу, обжигая горло, и я не могла остановиться. Встала, чувствуя, как кровь стучит в висках, как пальцы сжимаются в кулаки.

— Вы решили за меня. А я даже не догадывалась... Смотрела на маму и папу и не знала, на что они шли. Что им приходилось отдавать, чтобы я просто дышала. Жила. Их жизнь была драгоценна, чтобы отдать её за защиту.

Голос сорвался на последних словах, и злость вдруг схлынула, оставив после себя пустоту и тяжесть в груди. Я медленно опустилась обратно в кресло. Руки всё ещё дрожали.

Тётя смотрела на меня, и я видела, как по её щеке скатилась слеза.

— Ты права, — сказала она тихо. — Ты имеешь право злиться. Я знала, что этот день настанет, и всё равно не была готова. Прости меня, Джули. За всё.

Голос сел до хрипоты. Но я хотела знать всё.

— Я хочу услышать остальное. Ты знаешь, почему Совет не преследует меня больше? — спросила я. — Почему я всё ещё жива?

Тётя подняла на меня заплаканные глаза и кивнула.

— Я подала прошение и потом выступала перед Советом, — сказала она, вытирая щёки. — Убеждала, что нет доказательств того, что ты иная. Раньше никому не удавалось дожить до такого возраста и не проявить сущности перевёртыша, поэтому я пыталась доказать, что ты, как и весь наш клан, в день совершеннолетия обретёшь медведя. Я попросила помочь Куниц, подкупила Лис, уговорила Шакалов и даже умоляла Волков отдать голос за то, чтобы Совет не трогал тебя до совершеннолетия. И мне удалось получить отсрочку.

Она замолчала, и в воздухе повисла тяжёлая пауза.

— До моего совершеннолетия...

Слова упали в тишину, глухие, как камни на дно ледяной

воды. Внутри всё похолодело — я уже слышала это от Луциана. И даже от Кристины. Но до этого момента, где-то глубоко внутри, не верила до конца. А теперь это стало слишком настоящим. Моя смерть была лишь вопросом времени. Не «если». «Когда». И эта мысль оседала где-то под рёбрами, холодная, липкая, как чужая рука на шее.

— Думаешь, я могу быть им... Перевертышем? Ведь вполне возможно, что сейчас меня сдерживает лишь это, — я потянула за цепочку, указывая на амулет.

— Сердце Ночи, — задумчиво произнесла она, вглядываясь в черноту медальона, а потом, будто опомнившись, продолжила: — Я вижу, ты уже многое узнала. Наверное, этот разговор был отложен слишком надолго.

Она выпрямилась в кресле, и в её голосе снова появилась твёрдость.

— Я буду защищать тебя, что бы ни случилось.

Слова упали тяжело. Вина навалилась на плечи будто неподъёмный груз. Самые дорогие уже погибли, защищая меня. Теперь и тётя готова на то же. Слишком много жертв. Мысли о Луциане — о том, что можно бороться, учиться контролировать силу — теперь казались куда более заманчивыми. Больше не хотелось, чтобы кто-то платил за мою жизнь.

Тётя сделала глоток, поставила кружку и на мгновение прикрыла глаза, собираясь с мыслями. А когда заговорила снова, голос уже звучал ровно и спокойно.

— Пожалуй, расскажу тебе поподробнее о том, как устроен наш мир. Стоит начать с кланов. — Она откинулась на спинку кресла. — Твой отец был медведем. Самая сильная кровь. Самая выносливая. Но и самая упрямая. Он так и не смог отказаться от своей любви, сколько бы я его ни просила.

— А мама? — спросила я, хотя уже догадывалась.

— Кролик. — Тётя улыбнулась уголками губ. — Она была такой милой, и, честно сказать, очень нравилась мне. Если бы не обстоятельства, если бы только все могли любить без ограничений и последствий...

Я молчала. Она продолжала.

— На этом континенте живёт семь кланов хищников. Медведи, Волки, Лисы, Шакалы, Куницы, Вороны и Коты. Волки нас ненавидят. Лисы продаются тому, кто больше заплатит. Коты сидят в своих лабораториях и делают вид, что им всё равно. Кстати, их альфа сначала голосовал против сохранения твоей жизни. Но потом почему-то поменял мнение. Его дочь Кристина вроде как в твоём классе.

Я кивнула, пытаясь уложить в голове, что мир, в котором я жила на самом деле, был только иллюзией, ширмой, прикрывающей правду.

Небо над нами уже потемнело. На нём зажглись звёзды — холодные, далёкие, равнодушные. Где-то в кустах всё ещё стрекотал сверчок, и ветер шевелил сухие листья лаванды, донося их терпкий, успокаивающий аромат.

— Ты должна понимать вот что. Сила — это большие

деньги и власть. Все, кого ты видишь по телевизору, относятся к какому-либо клану. Президенты, министры, миллиардеры, поп-звезды. Можешь не сомневаться ни на минуту, что самые передовые технологии, медицинские открытия, финансовые империи — всё создано оборотнями. Мы управляем миром.

— А люди? — спросила я.

— Их несомненно гораздо больше, но мы никогда не показываем свою природу — в древности нас уже не раз пытались уничтожить. Как бы ни были сильны оборотни, людей слишком много. Раньше Охотники не давали нам и носа высунуть. За последние сто лет стало тише, но мы всё равно продолжаем скрываться. Риск есть всегда.

Я смотрела на неё и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Слишком много информации.

— Думаю, на сегодня хватит, — мягко сказала Виктория. — У нас ещё будет время поговорить об остальном.

Я кивнула, поднимаясь. Но прежде чем сделать шаг к двери, задержалась, глядя на фотографию на каминной полке, видневшуюся через стеклянную дверь. Мама и папа. Счастливые. Молодые. Ещё не знающие, что их ждёт.

— Тётя, — сказала я, не оборачиваясь. — А эта история про истинность, как показывают в фильмах... правда?

Она тихо рассмеялась — впервые за вечер.

— Я совсем забыла, сколько тебе лет. — она подошла ближе, взяла меня за руку. — Зверь чаще тянется к сильному,

Джули. Но мы — люди. Мы можем выбирать. Не забывай об этом.

Она отпустила мою руку и улыбнулась — уже другой улыбкой, с лукавинкой.

— А теперь идём. Я хочу тебе кое-что показать.

Она провела меня в гараж. Нажала на пульт — дверь бесшумно поднялась. И я увидела её.

«Ягуар». Белый. Переливающийся на свету: серебристый, голубоватый, розоватый, как иней на ветках в морозное утро. Как первый снег, ещё не тронутый никем. Мелкие блёстки в краске танцевали при каждом моём движении, будто машина дышала.

— Она переливается, — прошептала я.

— Как иней, — сказала тётя. — Знала, что это твой цвет.

Она протянула мне ключи с брелоком в виде серебряной ели и права с моим фото. Настоящие.

— Твой отец говорил, ты водишь лучше него, — сказала она.

Я взяла ключи. Они были холодными, но в груди разливалось тепло.

— Я не могу это принять...

— Можешь, — перебила она. — Ты заслуживаешь свободы, Джули. И выбора.

Я сжала ключи в ладони и обняла её. Быстро, но крепко. Так, чтобы она поняла — не словами, а этим жестом.

— Спасибо, — выдохнула я, отстраняясь.

Она улыбнулась и кивнула на машину:

— Проверь бардачок.

Я открыла. Там лежала карта города с отмеченным «Энчантом». И маленькая открытка:

«Не забудь вернуться домой. Я люблю тебя».

Я закрыла бардачок и повернулась к тётё. Она уже стояла в дверях гаража, глядя на меня с той мягкой, чуть печальной улыбкой, от которой у меня сжималось сердце.

— Спокойной ночи, Джули.

— Спокойной ночи.

Я вышла из гаража, держа ключи в руке. Серебряная ель холодно блестела в полумраке.

Внутри, в самой глубине, всё ещё пульсировала тревога. Сегодня я получила много ответов. Но вопросов осталось не меньше.

Глава 11. Когти и ярость

Сила не прощает тех, кто боится её признать.

Время текло, словно заколдованная река. Целая неделя пролетела с тех пор, как тётя открыла мне глаза на этот мир. Я всё ещё привыкала к новой реальности — к оскалу, который скрывался за улыбками, к запаху крови, который иногда пробивался сквозь аромат дорогих духов. Академия больше не пугала меня. Теперь я видела её такой, какая она есть на самом деле: место, где учатся не люди. Где каждый взгляд — проверка на прочность, каждое слово — либо оружие, либо приманка. Элис стала моим якорем в этом хаосе. Она объясняла, предупреждала, иногда просто молчала рядом, и этого было достаточно. Я шла по коридору, и каждый шаг отдавался в пустоте.

Академия больше не казалась мне просто зданием — она дышала, пульсировала, жила своей собственной жизнью. Стены украшали следы когтей — видимо, не всем хватало терпения. Это место не терпело слабости. И я начинала это понимать.

Подойдя к шкафчику, я заметила в дальнем конце коридора Джейсона. Он прижимал к стене какого-то парня. Рядом с ним, как всегда, его верная свита. Кристина стояла тут же, наблюдая с лёгкой, почти скупающей улыбкой. Пригля-

девшись, я узнала очкарика, который вечно крутился рядом с Кристиной.

Первый удар Джейсона обрушился на левую скулу парня. Голова мотнулась в сторону, очки разлетелись вдребезги, и он сполз по стене, не успев даже вскрикнуть.

— Я ничего такого не делал, — пролепетал он испуганным голосом.

Стоило бы пройти мимо. Это не моя война. Но что-то внутри заставило ноги застыть на месте. Что-то шепнуло: на этот раз я не закрою глаза, как тогда, в лесу.

Второй удар пришёлся в живот. Парень согнулся, выронив сдавленный, мокрый хрип.

— Джейсон, — мой голос прозвучал неожиданно твёрдо. — Оставь его.

Никто из толпы не понял, что произошло, но я отдала приказ. Не голосом — волей. Я почувствовала, как она ударила в его сознание, ища брешь.

Пейкерман поднял голову. Его глаза полыхали звериной яростью. Я невольно шагнула вперёд. Он шумно втянул воздух, ноздри затрепетали, зрачки расширились, приобретая нечеловеческий оттенок.

— Разве тебя это касается, Андерсон? — голос его был хриплым.

— Я сказала, оставь его, — повторила я, пытаюсь сломить его волю.

На секунду мне показалось, что он дрогнул. Но потом его

челюсть сжалась, и он медленно отпустил парня. Тот сполз на пол, хватая ртом воздух.

Джейсон подошёл ко мне. Он замер в опасной близости — я чувствовала жар его тела, слышала, как бьётся его сердце. Слишком быстро для того, кто притворяется спокойным. Его дыхание опаляло щёку. И к своему стыду, в эту секунду я испытывала не страх. Ненавидела его за то, какое действие он оказывал на меня. И себя — за то, что не могла устоять.

— Ты хочешь, чтобы я его оставил? — обманчиво тихо, спросил он.

— Да. Разберись с кем-то своего уровня.

В коридоре воцарилась тишина. Десятки глаз буравили мою спину. А потом раздался громкий смех Пейкермана.

— Что ж, малышка Андерсон, ты сама так решила.

Его глаза пылали. Он склонился ещё ближе.

— Я сегодня в благодушном настроении, и выполню твою просьбу, — его голос был бархатным, но в глубине хранил угрозу.

— И что, теперь ты ударишь меня вместо него? — выдавила я.

— Не говори глупости. Мы не поднимаем руку на самок. Для тебя у меня припасено кое-что куда интереснее.

Слово «самка» ударило, как пощёчина. Спасительный звонок на физкультуру прервал надвигающуюся бурю. Джейсон бросил взгляд, полный обещаний, и растворился в толпе.

В раздевалке уже никого не было. Только я, зеркало во

всю стену и тишина, которая давила на уши.

Я стояла перед раковиной, сжимая холодный край мраморной столешницы.

Он угрожал. При всех. Сказал, что займётся мной. И почему-то же я не боялась? Наоборот. Это будоражило кровь, словно какая-то опасная игра. Казалось, что начинаю сходиться с ума.

Я подняла глаза на своё отражение. За последнее время я заметила изменения. Сначала неуловимые — исчезли тёмные круги, волосы перестали быть сухими и ломкими. Потом более отчётливые: кожа приобрела бархатистость, скулы стали острее, черты лица — чётче. С каждым днём я замечала всё больше перемен. И это пугало. Потому что это значило только одно: моё время уходило. Дней до совершеннолетия оставалось всё меньше, и моя внешность уже начала трансформацию.

— Ты ненормальная, — прошептала я собственному отражению. — Не стоит думать о Пейкермане!

Зажмурившись, прижалась лбом к холодному стеклу и несколько раз глубоко вздохнула. Но когда открыла глаза, в отражении всё ещё была я. Меняющаяся. Испуганная. Злая. И совершенно безнадежно запутавшаяся.

Откинув все мысли, я поспешила на стадион.

Мясорубка объявил урок маскировки. Задание: найти «золотую монету» в лесу. Пробуждённым разрешалось перевоплощаться.

— Это нечестно! — возмутился кто-то.

— В жизни часто бывает несправедливость, — усмехнулся тренер. — Побеждает сильнейший.

Сигнал разорвал тишину, и толпа хлынула в лес. Я бежала, стараясь оставаться незаметной. Ветки хлестали по лицу, под ногами хрустели сухие листья и мелкие камни. Воздух пах сырой землёй и прелой листвой — дикий, настоящий, без примеси. Где-то впереди мелькали тени, слышались чужие шаги, дыхание.

Я пригнулась за толстым стволом дуба, стараясь слиться с тенью. Сердце колотилось, но не от страха — от азарта. Впервые за долгое время я чувствовала себя живой. Не жертвой. Не объектом. Просто — собой.

Но тишина длилась недолго.

Из-за деревьев бесшумно выскользнули трое. Трэвел, Джаспер и ещё один — те самые парни из свиты Кристины. Они окружили меня у лабиринта, перекрыв все пути к отступлению.

— Что, крольчиха, думала, мы забыли про прошлый разговор? — усмехнулся Трэвел, наклонив голову к плечу. — Мне кажется, ты так и не извинилась за то, что тогда толкнула меня.

Я не ответила. Внутри закипала ярость — густая, горячая, как расплавленный металл. Амулет на груди нагрелся, словно кусок угля.

— Девчонка молчит, — Трэвел шагнул ближе и толкнул

меня в плечо. — Говорят, твой папаша сдох, как собака. С перекушенным горлом. — На его лице расплылась мерзкая ухмылка. — Это он не научил тебя манерам?

И мир исчез.

Краски выцвели, звуки стихли — остался только он. Я больше не видела зелени листвы, не слышала птичьего щебета. На глаза будто пала кровавая пелена, окрасившая всё в багровый и синий. Я видела вены, артерии, бьющееся сердце, пульсирующую сонную артерию — тонкую, напряжённую, дрожащую в такт его дыханию. Каждый удар побуждал какую-то жажду внутри меня. Пальцы сами сжались в кулаки, предвкушая, как её тепло разольётся по моей руке. В ушах звучал лишь ритмичный гул моей крови, перекачиваемой сердцем, раз за разом, быстрее, громче, невыносимее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.